

вѣтными воззрѣніями и учрежденіями: аналогія *ἐκκλησία* и *συναγωγή* (61—65 с.), *πρεσβυτέριον* съ *συνεδριόν* (46—47), учрежденія „семи“ съ параллельнымъ іудейскимъ институтомъ (26 с.) новозавѣтнаго священства съ в.-з. жречествомъ (*κλήρος τοῦ Θεοῦ*—168—169 и 181 стр.), специфически библейскій характеръ терминовъ *θυσία* (35 с.), *ἰλαστήριον* (173 с.), *ἱεράτευμα* (173 с.) и мн. другихъ. Словомъ, эта важнѣйшая сторона дѣла разработана авторомъ превосходно: видно, что авторъ все время стоитъ твердой ногой на хорошо знакомой ему почвѣ текста Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта и самостоятельно оперируетъ на ней; а если иногда онъ пользуется и чужими указаніями, то лишь такихъ солидныхъ авторитетовъ, какъ Schürer, Zibart и Liebenow для ветхо-завѣтной исторіи и Garnack, Zahn и Gilgenfeld для новозавѣтной.

Изъ оригинальныхъ концепцій автора, гдѣ удалось ему сказать и нѣчто новое, цѣнное свое, особаго вниманія заслуживаетъ его глубокій и тонкій историко-психологическій анализъ извѣстныхъ посланій св. Игнатія Богоносца къ церквамъ малоазійскимъ. До сихъ поръ, даже послѣ почти общепризнанной подлинности этихъ посланій, трудную загадку представляло необыкновенно сильное развитіе въ нихъ идеологіи церковной организаціи, немыслимое для столь ранняго времени, какъ начало 2-го вѣка и неоправдываемое другими, современными имъ памятниками. Всѣ три степени церковной іерархіи выступаютъ въ посланіяхъ Игнатія рѣзко очерченными и надѣленными исключительными полномочіями священной, правительственной власти. Въ особенности соблазнительной кажется рѣзко выраженная въ нихъ идея монархическаго епископата, въ силу которой единеніе съ епископомъ приравнивается къ общепію съ самимъ Богомъ (посл. къ Поликарпу), а разрывъ съ епископомъ трактуется, какъ служеніе діаволу (посл. къ Смирн.). Всѣ эти загадочныя и непонятныя особенности посланій св. Игнатія Богоносца нашли себѣ вполне правдоподобное и совершенно удовлетворительное разъясненіе въ обстоятельной интерпретаціи ихъ г. Мышцынымъ. Разгадка этого, по его мнѣнію, лежитъ въ исторической обстановкѣ, при которой явились посланія, въ личной настроенности автора и, наконецъ, въ той цѣли, для которой онъ писалъ ихъ. Малоазійскимъ церквамъ угрожала

въ то время опаснѣйшій врагъ, противъ котораго боролись еще апостолы (Петръ, Павелъ и особенно I. Богословъ), это—*докетизмъ*, отрицавшій реальность плотской, человѣческой природы Иисуса Христа, а, слѣдовательно, искупительное значеніе крестныхъ страданій и реальный смыслъ евхаристической жертвы, т. е. все то, на чемъ основано христіанское ученіе о спасеніи и надежда на будущее воскресеніе и вѣчную жизнь. Для борьбы съ этими опаснѣйшими для новопросвѣщенныхъ христіанъ, смертельными врагами, которыхъ св. Игнатій сравниваетъ то со „звѣрями въ человѣческомъ образѣ“ (Смирн.) то съ „бѣшенными псами, исподтишка кусающими“ (Ефесян.), то съ „людьми, подливающими вѣрующимъ смертельную отраву въ подслащенномъ винѣ“ (Трал.), великій пастырь и призываетъ всѣхъ къ дружному союзу и единомыслию духа. Внѣшнимъ выраженіемъ такого крѣпкаго союза, необходимаго для борьбы съ общимъ врагомъ, должно, по мысли св. Игнатія, служить стройное согласіе всѣхъ между собою, подобное гармоніи струнъ въ арфѣ, и въ особенности—объединеніе всѣхъ вѣрующихъ вокругъ одного главнаго центра—епископа. Доказательствомъ же, именно, такого искренняго и полнаго единенія должно служить преломленіе *одного* хлѣба, т. е. участіе въ евхаристіи, совершаемой епископомъ, но отвергаемой еретиками. „Итакъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ посланій св. Игнатія,—старайтесь имѣть одну евхаристію. Ибо одна плоть Господа нашего Иисуса Христа и одна чаша въ единеніи крови Его, одинъ жертвенникъ, какъ и одинъ епископъ“... (Филад.).

Такимъ образомъ, утвержденіе единенія епископа для Игнатія Богоносца, въ конечномъ итогѣ, нужно лишь для того, чтобы черезъ него утвердить подлинность единой, спасительной евхаристіи и со *ipso* ниспровергнуть коренное заблужденіе докетизма. Въ напряженной личной борьбѣ съ докетизмомъ, ведущейся, главнымъ образомъ, путемъ утвержденія единой подлинной евхаристіи и лежитъ ключъ къ разгадкѣ всѣхъ индивидуальных особенностей церковно-правовой организациі Игнатія Богоносца, остроумно и искусно найденный г. Мышцынымъ.

Не распространяясь больше о достоинствахъ рассматриваемаго нами капитальнаго труда, кратко скажемъ теперь и о

томъ, что съ нашей точки зрѣнія является и наиболѣе видными его недочетами.

Самымъ важнымъ изъ числа ихъ мы считаемъ отсутствие законченности и полноты въ изслѣдованіи г. Мышцына, обусловленное произвольнымъ характеромъ его *terminus ad quem*. Подъ понятіемъ „древняя церковь“ обычно разумѣется „церковь первыхъ трехъ вѣковъ“, каковая и противопоставляется послѣдующей церкви, начиная съ IV вѣка. И такое дѣленіе имѣть свой *raison d'être*, такъ какъ гранью двухъ періодовъ здѣсь является крупнѣйшій историческій фактъ, радикально измѣнившій внѣшнее положеніе церкви въ государствѣ, да не менѣе сильно отразившійся и на внутренней ея жизни. Но почему г. Мышцынъ въ своемъ историко-каноническомъ изслѣдованіи іерархическо-правовой организаціи древней церкви беретъ не весь ея трехвѣковой періодъ, а ограничивается лишь двумя первыми вѣками?—это для насъ совершенно непонятно и нигдѣ имъ нисколько не мотивировано. Вѣдь, нельзя же, конечно, серьезно считать такимъ достаточнымъ мотивомъ личный произволъ автора остановиться тамъ, гдѣ онъ хочетъ, или то наивное соображеніе, что и безъ того уже авторомъ сдѣлано много, вводитъ же цѣлый новый вѣкъ—значитъ требовать отъ него ужъ слишкомъ многого. Всѣ эти и подобныя имъ *quasi*—аргументы отпадаютъ сами собой уже въ силу одного того соображенія, что въ ученыхъ работахъ авторы ихъ не вольны руководствоваться собственными взглядами, своими симпатіями или антипатіями; какъ характеръ, такъ и объемъ ихъ всего меньше зависятъ отъ личныхъ взглядовъ автора, а опредѣляется самымъ существомъ дѣла, характеромъ и объемомъ трактуемаго имъ предмета. Мы могли бы еще, пожалуй, понять и осмыслить подобное произвольное сокращеніе объема понятія древней церкви въ трудѣ г. Мышцына, если бы церковно-правовая организація, о которой онъ трактуетъ, окончательно бы сложилась въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ, такъ что на долю третьяго не оставалось бы ничего типичнаго и для историка-канониста интереснаго. Но, вѣдь, этого, какъ извѣстно, не было: всѣ три начальныхъ вѣка представляютъ собой одинъ сплошной періодъ развитія и роста церковно-правовой организаціи, завершеніе чего можно отнести только развѣ къ половинѣ 3-го вѣка, къ эпохѣ та-

кого виднаго ея идеолога, какъ Кипріанъ, еп. Карфагенскій. Да въ сущности говоря, г. Мышцыну оставалось сказать вовсе не много: довольно было ему рассмотреть сочиненія Тертулліана, Кл. Александрійскаго, пожалуй, Оригена и въ особенности—Кипріана, чтобы его трудъ уже получилъ извѣстную закругленность и полноту, необходимую для его цѣли. Въ настоящемъ же своемъ видѣ, произвольно, механически ограниченный лишь двумя первыми вѣками, трудъ г. Мышцына лишенъ органической цѣльности и законченности; пройдя добрыхъ три четверти своего пути, авторъ все же досадно не дошелъ до его конца; онъ далъ интересную книгу, изъ которой однакожь, вырванъ рядъ послѣднихъ заключительныхъ страницъ.

Авторъ настолько боится перешагнуть свою условную грань (конецъ 2-го вѣка), что жертвуетъ такимъ виднымъ и для него безусловно важнымъ писателемъ, какъ Тертулліанъ. Онъ побоялся затронуть Тертулліана, вѣроятно, потому, что этотъ церковный писатель померъ въ началѣ 3-го вѣка (около 220 г.); но авторъ упустилъ изъ виду, что вѣдь вся дѣятельность Тертулліана, какъ православнаго пастыря, падаетъ на конецъ второго вѣка (съ 190 г.) и, въ частности, важнѣйшее и интереснѣйшее для канониста, его сочиненіе „о давности противъ еретиковъ“ относится къ 195-му году. А между тѣмъ Тертулліанъ является однимъ изъ самыхъ видныхъ древнихъ писателей о церкви—ея внѣшней организаціи и внутренней структурѣ: въ сочиненіяхъ его дана вся богатая терминологія, относящаяся къ ученію объ іерархіи, какъ священствѣ, въ собственномъ смыслѣ (*sacerdos*, *sacrificium*, *oblatio* и проч.), такъ что въ этомъ отношеніи Тертулліанъ справедливо считается прямымъ продолжателемъ своего старшаго современника—Иринея Лионскаго и ближайшимъ предшественникомъ младшаго современника—Кипріана Карфагенскаго 1). Недаромъ нашъ почтенный канонистъ Н. А. Заозерскій такъ высоко цѣнитъ сочиненія Тертулліана и наряду съ Апостольскими Постановленіями

---

1) См. напр. рядъ интересныхъ и цѣнныхъ выдержекъ изъ сочиненій Тертулліана: „о притязаніяхъ еретиковъ“, „о крещеніи“, „о покаяніи“ „противъ іудеевъ“, „о тѣлѣ Христовомъ“ въ приложеніи къ диссертациіи проф. Е. Ахилонова „Церковь“ СПб. 1894.

считаетъ ихъ самымъ важнымъ памятникомъ для изображенія церковнаго управленія и суда за конецъ 2-го вѣка ¹⁾. Такъ что и нашъ авторъ, обойдя полнымъ молчаніемъ Тертуліана, допустилъ крупный пробѣлъ въ своей работѣ, даже и въ томъ урѣзанномъ объемѣ, какой онъ произвольно ей придалъ.

Далѣе, лично на насъ не особенно выгодное впечатлѣніе произвела аргументація автора по исагогическимъ вопросамъ. Авторъ—сторонникъ подлинности всѣхъ новозавѣтныхъ писаній, и въ общемъ онъ дѣлаетъ это не безъ успѣха. Но иногда его критика наивна и слаба, а собственная аргументація недостаточно сильна и убѣдительна. И это наблюдается какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ наукѣ существуетъ больше спора и гдѣ отъ автора требовалась бы особенная критическая осторожность. У него же нерѣдко наблюдается какъ разъ обратное: чѣмъ больше въ наукѣ споровъ и сомнѣній, тѣмъ меньше у него критики и доказательствъ: такъ, напр., очень спорная въ наукѣ подлинность посланія къ Евреямъ доказывается у него лишь на одной страничкѣ (175 стр.), а еще болѣе спорному вопросу о подлинности Апокалипсиса онъ и вовсе отводитъ лишь полстранички (249 стр.). Въ извиненіе автору можно, конечно, сказать, что вопросы новозавѣтной исагогики для него, какъ канониста, имѣютъ лишь второстепенный интересъ и мы не въ правѣ требовать отъ него исчерпывающаго ихъ рѣшенія. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ право требовать, чтобы при трактовкѣ ихъ онъ проявлялъ побольше критической осторожности и научнаго такта, воздерживаясь отъ такихъ легкомысленно-категорическихъ замѣчаній, какъ, напр., слѣдующее: „датированіе Апокалипсиса не представляетъ особыхъ затрудненій!“ (249 стр.).

Важный пробѣлъ по существу поставленной авторомъ задачи мы усматриваемъ въ томъ, что онъ недостаточно отгвнилъ значеніе евхаристическаго богослуженія, какъ идеальнаго образца для всего древне-церковнаго строя. Говоря о тѣхъ вліяніяхъ, или точнѣе, примѣрахъ, которымъ частію сознательно, а частію и безсознательно слѣдовали древніе христіане при устройствѣ своей церковно-правовой органи-

¹⁾ Проф. Н. А. Заозерскій „Церковный судъ“—153—154 стр. 1878 г.

зацін (разумѣются различныя ветхозавѣтно-іудейскія и греко-римскія вліянія), авторъ почти ничего не сказалъ о значеніи евхаристическаго богослуженія, съигравшаго, надо думать, самую видную, рѣшающую роль въ установкѣ взаимныхъ отношеній различныхъ членовъ церкви, въ особенности, въ опредѣленіи іерархическаго положенія членовъ самаго клира. Самымъ рѣшительнымъ поборникомъ этого взгляда является уже извѣстный намъ канонистъ—Р. Зомъ, который весь наличный церковно-правовой строй древней церкви (точнѣе, тѣ зачатки этого правового строя, которыя тогда имѣлись) выводилъ, именно, изъ этого евхаристическаго образца. „Мы видимъ, такимъ образомъ,—говоритъ Зомъ въ заключеніе своего перваго тома—какъ въ собраніяхъ христіанства посредствомъ формъ евхаристическаго богослуженія намѣчается то дѣленіе еkkлeзiи, изъ котораго произойдетъ церковное устройство будущаго. Во главѣ собранія стоитъ епископъ, совершающій евхаристическое торжество; по сторонамъ его, какъ представители общины, сидятъ старѣйшины; въ качествѣ помощниковъ епископа дѣйствуютъ діаконы“ ¹⁾. Еще раньше и сильнѣе на типическо-идеальное значеніе евхаристическаго порядка для церковно-правового уклада указалъ нашъ уважаемый канонистъ—проф. Заозерскій: „литургія—читаемъ мы у него—безъ сомнѣнія главный актъ всеі церковно-общественной жизни, какъ въ настоящее время, такъ и въ древности. Въ церковно-правовомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, она служитъ показателемъ, точнымъ выразителемъ положенія и отношеній разныхъ церковныхъ лицъ, содержащихся въ составѣ церковнаго общества... Посему и во всѣхъ прочихъ актахъ церковной жизни положеніе и отношенія членовъ церкви устанавливаются и опредѣляются въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ строємъ, въ какомъ они обнаруживаются при совершеніи важнѣйшаго акта—литургіи“ ²⁾.

Встрѣчаются по мѣстамъ въ книгѣ автора недостаточно согласованныя и даже какъ будто-бы противорѣчивыя сужденія и взгляды. Такъ, напр., въ рѣчи объ „институтѣ семи“ онъ

¹⁾ Зомъ—253 стр.

²⁾ Проф. Н. А. Заозерскій—„О церковной власти“ 122—123. Серг. Пос. 1894 г.

сначала говорить, что „число поставленныхъ для служенія при столахъ и ихъ имя были заимствованы изъ іудейской организаціи“ (26 стр.) а нѣсколькими строками ниже съ рѣшительностію заявляетъ: „учрежденіе „семи“ возникло не на палестинской почвѣ и не было собственно палестинскимъ институтомъ. Оно обязано своимъ происхожденіемъ скорѣе вліянію еллинистовъ“ (36 стр.). Подобное же противорѣчіе наблюдается и въ характеристикѣ римской церкви. Такъ, давая характеристику этой церкви на основаніи посланій Климента Римскаго (конецъ I-го вѣка), авторъ говоритъ: „вообще мы видимъ въ римской общинѣ уже сильно развитую и достаточно окрѣпшую идею строго опредѣленнаго и установленнаго порядка... идею церковной *власти*, твердой, устойчивой, которой должны подчиняться всѣ...“ (213 стр.). И еще: „въ концѣ I-го вѣка въ римской и можетъ быть коринѳской церкви существовалъ уже единоличный епископатъ“ (210 стр.) А въ своемъ заключительномъ резюмѣ церковнаго устройства того же самаго періода (конца I-го в.) авторъ значительно смягчаетъ краски относительно централизаціи власти въ римской церкви и даже противопоставляетъ ее въ этомъ смыслѣ церквамъ малоазійскимъ: „въ то время,—говоритъ онъ здѣсь,—какъ въ Малой Азіи епископъ уже опредѣленно выдѣлился изъ ряда прочихъ предстоятелей и сталъ единымъ центромъ общины, на Западѣ въ церковномъ предствительствѣ не произошло еще столь опредѣленно выраженной централизаціи, между предстоятелями церкви сохранялось болѣе равенства правъ и однообразія въ функціяхъ, вслѣдствіе чего постороннему наблюдателю бросалось въ глаза больше ихъ сходство, чѣмъ различіе“ (267 стр.). Столь же, если еще не больше, несогласованы и отзывы г. Мышцына о филиппійской церкви. Такъ, характеризуя эту церковь по спеціальному посланію къ ней ап. Павла, нашъ авторъ выразительно подчеркиваетъ, что „Филиппы были можетъ быть первой родиной имени „епископъ“ (139 ст.), и „что въ этой церкви раньше чѣмъ въ другихъ была признана необходимость правильной организаціи и правильнаго раздѣленія труда съ болѣе или менѣе опредѣленными формами и терминами“ (140 стр.). А когда ему приходится характеризовать ту же филиппійскую церковь по посланію къ ней Поликарпа Смирнскаго, написанному, по меньшей мѣрѣ, полустолѣтіемъ

позднѣе, то онъ признаетъ, что въ филиппійской церкви того времени еще не было опредѣленной, точной терминологіи, что „вообще и пресвитеры и епископы въ ней не различались“ (323 стр.), что „управленіе общиной въ Филиппахъ находится въ рукахъ коллегіи“ (324 стр.), что, слѣдовательно, тамъ еще далеко не произошло того процесса дифференціаціи церковной власти, который выше онъ признавалъ уже совершившимся еще въ вѣкъ апостоловъ.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ своей работы авторъ обнаружилъ, по нашему мнѣнію, излишній консерватизмъ, иногда бесполезный, а иногда даже и вредный для его задачи. Такъ, напр., въ обширномъ примѣчаніи на стр. 230-й онъ, безъ особеннаго на то повода, энергично вооружается противъ второбрачія клириковъ; на стр. 406-й онъ, въ интересахъ ложно понятой защиты монархическаго епископата, всячески старается перетолковать прямой и ясный смыслъ ап. посланія о коллегіальномъ епископатѣ; на 425 стр., отстаивая самобытность христіанскихъ церковныхъ организацій, онъ рѣшительно отрицаетъ наличность какихъ бы то ни было вліяній на нихъ языческаго строя, хотя въ дальнѣйшей главѣ онъ и самъ принужденъ доказывать какъ разъ обратное,—именно, перемѣну внѣшнихъ формъ церковнаго устройства, въ зависимости отъ народной психологіи и отъ формъ общественно-государственной жизни (461—465 стр.).

Однако всѣ отмѣченные нами недочеты въ капитальномъ трудѣ г. Мышцына далеко не такого свойства, чтобы они могли поколебать характеръ сдѣланной нами выше положительной его оцѣнки. Съ полнымъ убѣжденіемъ мы еще разъ заявляемъ, что находимъ сочиненіе г. Мышцына во всѣхъ отношеніяхъ выдающимся трудомъ, заполнившимъ давно чувствовавшийся у насъ пробѣлъ по начальной исторіи каноническаго права, а самого автора этого труда признаемъ достойнымъ степени доктора церковнаго права“.

Справка: 1) § 142 устава духовныхъ академій 1884 года: „Степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертациі или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлю полученія ученой степени“.—2) Г. Мышцынъ степени магистра

богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ученіе Св. Апостола Павла о законѣ дѣль и законѣ вѣры“. Сергіевъ Посадъ, 1894 г., и утвержденъ въ этой степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 20 сентября 1894 года за № 4207.—3) По § 81 лит. в п. 6 академическаго устава „удостоеніе степени магистра и доктора“ значится въ числѣ дѣль Совѣта Академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ,— просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи приватъ - доцента Ярославскаго Демидовскаго Юридическаго Лицея, магистра богословія, В. Н. Мышцына въ ученой степени доктора церковнаго права.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертациі г. Мышцына и копию съ отзыва о ней ординарнаго профессора Академіи А. А. Спасскаго и экстраординарнаго профессора А. И. Покровскаго.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1909 г. Іюня 24. Ходатайствовать“.

10 іюня 1909 года.

№ 4.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыня, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.

Отсутствовали: ординарные профессора А. И. Введенскій и С. С. Глаголовъ и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: I. Прошеніе доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій А. П. Орлова:

„Имѣю честь просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о командированіи меня на будущій 1909/10 учебный годъ за границу, съ назначеніемъ возможнаго пособія въ дополненіе къ моему доцентскому жалованью.

Лекціи, которыя я обязанъ въ 1909/10 учебномъ году читать студентамъ 3-го курса по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій, я прочту имъ на 4-мъ курсѣ по возвращеніи изъ-за границы въ 1910/11 учебномъ году.

Мотивы, побуждающіе меня обратиться съ такимъ прошеніемъ въ Совѣтъ Академіи, лежатъ въ области моихъ какъ учебно-преподавательскихъ, такъ и научно-литературныхъ интересовъ. Уже самый предметъ моего академическаго преподаванія,—характеристика, анализъ и оцѣнка различныхъ теченій западной религіозной жизни, требуетъ отъ меня, какъ преподавателя, болѣе или менѣе непосредственнаго и живого знакомства съ духомъ и строемъ характеризуемыхъ конфессіональныхъ обществъ,—знакомства, которое достигается по преимуществу личнымъ болѣе или менѣе продолжительнымъ наблюденіемъ ихъ жизни въ богослуженіи, проповѣди, церковно-просвѣтительной организаціи, въ научно-богословской школѣ,—и которое едва ли съ полнымъ успѣхомъ можетъ быть возмѣщено однимъ кабинетнымъ, книжнымъ изученіемъ ихъ историко-богословскихъ памятниковъ. Предполагая пополнить этотъ дефектъ моей подготовки къ академическому преподаванію исторіи и разбора западныхъ исповѣданій годичной жизнью въ крупнѣйшихъ центрахъ какъ католической, такъ и протестантской Германіи, я вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ имѣю въ виду и болѣе спеціальныи интересъ моей преподавательской дѣятельности: — путемъ прослушанія нѣсколькихъ богословскихъ курсовъ въ Берлинскомъ и Мюнхенскомъ университетахъ ознакомиться какъ съ новѣйшими теченіями протестантскаго и католическаго богословія, такъ и съ методами академическаго преподаванія заграницей сравнительной символики и тѣхъ или другихъ отдѣловъ западно-европейской церковной исторіи.

Кромѣ отмѣченнаго учебно-преподавательскаго интереса командировка за границу имѣетъ существенно важное значеніе и для моихъ научно-литературныхъ занятій, предметомъ каковыхъ въ настоящее время по преимуществу является

собираніе и изученіе историко-богословскихъ матеріаловъ, относящихся къ эпохѣ знаменитаго кризиса религіозно-культурной жизни въ Германіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, разрѣшившагося реформаціей Лютера. Вопросъ о характерѣ и внутреннемъ смыслѣ этого кризиса, въ послѣдніе годы, съ выходомъ въ свѣтъ изслѣдованія Denifle—Weiss'a (Luther und Luthertum. Mainz. 1904—9) съ новою силою поднявшійся въ западно-европейской наукѣ, помимо своего общаго богословскаго и культурно-историческаго интереса, имѣетъ отчасти особенное значеніе для православнаго историка-богослова, поскольку онъ не является связаннымъ въ оцѣнкѣ этого кризиса ни конфессіональными, ни національными симпатіями и тенденціями, отраженіе каковыхъ въ большей или меньшей степени можно видѣть даже въ выдающихся протестантско-католическихъ работахъ по данному вопросу, какъ это особенно ярко сказалось въ полемикѣ между протестантскими и католическими историками богословами по поводу упомянутаго изслѣдованія Denifle. Но разработка указаннаго вопроса необходимо требуетъ специальныхъ занятій въ западно-европейскихъ книгохранилищахъ и музеяхъ, потому что, не говоря уже о рукописномъ матеріалѣ, на которомъ базируются извѣстныя изслѣдованія Voigt'a, Pastor'a, Denifle, Kolde и др.,—доступномъ лишь при непосредственныхъ занятіяхъ въ западно-европейскихъ бібліотекахъ,—даже многіе печатные сборники документовъ, относящихся къ интересующему насъ вопросу, у насъ, въ Россіи, составляютъ бібліографическую рѣдкость и между прочимъ почти полностью отсутствуютъ въ нашей академической бібліотекѣ“.

Опредѣлили: Признавая просьбу доцента Академіи А. П. Орлова заслуживающею уваженія и находя, что отъ заграничной командировки его для учебнаго дѣла въ Академіи не представляется никакихъ неудобствъ,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о командированіи доцента Орлова, на будущій 1909—1910 учебный годъ, съ научной цѣлью, за границу и объ отпускѣ ему, сверхъ получаемаго по службѣ содержанія, пособія на поѣздку въ размѣрѣ, какой благоугодно будетъ опредѣлить Святѣйшему Синоду.

II. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи

исправляющаго должность доцента по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русскоѣ литературы *Н. Л. Туницкаго*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство предоставить мнѣ двухмѣсячный канікулярный отпускъ для поѣздки въ Константинополь, въ Аѳонскіе славянскіе монастыри и, если окажется возможнымъ,—въ Македонію, гдѣ я намѣренъ изучить нѣкоторые славянскіе и греческіе рукописные памятники, обстоятельное ознакомленіе съ которыми необходимо мнѣ для моихъ научныхъ работъ. При этомъ почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи мою покорнѣйшую просьбу объ исходатайствованіи мнѣ у Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода пособия для означенной поѣздки въ размѣрѣ 250 рублей“.

Опредѣлили: Признавая просьбу исправляющаго должность доцента Академіи *Н. Л. Туницкаго* заслуживающею уваженія,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о назначеніи г. Туницкому пособия на поѣздку, съ научною цѣлью, за границу въ теченіе лѣтнихъ каникулъ текущаго 1909 года въ размѣрѣ двухсотъ пятидесяти рублей (250 р.).

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1909 г. Іюня 24. Ходатайствовать“.

10 іюня 1909 года.

№ 5.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—А. П. Голубцовъ А. А. Спасскій и М. М. Тарфевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.

Отсутствовали: ординарные профессора А. П. Введенскій и С. С. Глаголевъ и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: І. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Апр. 14. Въ Совѣтъ Московскоѣ Духов-

ной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 13 апрѣля за № 4704:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго, отъ 8 минувшаго Марта № 295, по ходатайству Совѣта Кіевской духовной академіи *о разъясненіи того, какимъ образомъ должно быть понимаемо опредѣленіе Святѣйшаго Синода о возстановленіи, съ отмѣною временныхъ правилъ по управленію духовными академіями, въ полной мѣрѣ устава академіи 1884 года, въ смыслѣ ли возстановленія въ первоначальномъ видѣ только тѣхъ параграфовъ устава, измѣненіе коихъ произошло по постановленію Святѣйшаго Синода 21 февраля 1906 г., или означеннымъ опредѣленіемъ возстановляется уставъ 1884 г. въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ онъ былъ Высочайшею властію утвержденъ въ 1884 году. И, по справкѣ, приказали: Въ разрѣшеніе возбужденнаго Совѣтомъ Кіевской духовной академіи вопроса, разъяснить Совѣтамъ какъ названной, такъ и прочихъ духовныхъ академіи, что опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 3 февраля сего года за № 793, отмѣнены только тѣ, внесенныя въ академическій уставъ по Синодальному постановленію 21 февраля 1906 года и объявленныя Совѣтамъ указами отъ 22-го того же февраля, измѣненія, кои вызывались согласованіемъ устава съ бывшими временными правилами по управленію академіи, и возстановлены въ первоначальномъ видѣ соответственные параграфы устава 1884 г., и что потому означенное опредѣленіе совершенно не касается другихъ измѣненій и дополненій въ академическомъ уставѣ, каковыя дѣлались разновременно независимо отъ временныхъ правилъ и остаются по прежнему въ силѣ и съ возстановленіемъ нынѣ дѣйствія названнаго устава; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.*

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Апр. 25. Въ Совѣтъ Московскои Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 25 апрѣля 1909 года за № 5429:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣй-

шіи Правительствующіи Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 3-го сего Апрѣля за № 107, по ходатайству Совѣта Московской Духовной Академіи *объ учрежденіи въ Академіи двухъ стипендій имени Преосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго*. Приказали: Рассмотрѣвъ означенное представленіе, Святѣйшіи Синодъ опредѣляетъ: 1) учредить при Московской духовной академіи двѣ стипендіи имени Преосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, на проценты съ пожертвованнаго имъ для сего капитала, заключающагося въ свидѣтельствахъ Государственной 4^о/_о ренты на сумму въ пятнадцать тысячъ рублей, 2) утвердить представленныи проектъ положенія о названныхъ стипендіяхъ и 3) во вниманіе къ благопопечительной отзывчивости Преосвященнаго Агаѳодора къ нуждамъ высшаго богословскаго образованія и учащихся въ духовныхъ академіяхъ, проявившейся въ новомъ щедромъ денежномъ пожертвованіи на учрежденіе двухъ стипендій при Московской академіи для недостаточныхъ студентовъ, каковыя стипендіи имъ же основаны ранѣе и въ прочихъ академіяхъ, выразить Архіепископу Агаѳодору особливую благодарность отъ Святѣйшаго Синода; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ, увѣдомивъ таковымъ же Преосвященнаго Агаѳодора“.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію.—2) Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи Высокопреосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, во уваженіе его многолѣтней и плодотворной миссіонерско - просвѣтительной Архипастырской дѣятельности и отеческой попечительности о нуждахъ высшаго богословскаго образованія и недостаточныхъ учащихся въ духовныхъ академіяхъ,—въ званіи Почетнаго Члена Московской Духовной Академіи.

III. Сообщенныи Правленіемъ Академіи (въ копіи) указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 19 мая за № 6822:

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшіи Правительствующіи Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства отъ 21 января сего года за № 32, по хода-

тайству Совѣта Московской духовной академіи о назначеніи пособія командируемымъ Совѣтомъ въ качествѣ делегатовъ на имѣющій быть 21—30 іюня сего года въ г. Костромѣ 4-й областной археологическій съѣздъ профессорамъ названной академіи Голубцову и Смирнову и 2) отзывъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 17 минувшаго Апрѣля за № 10432, по предмету сего ходатайства. II, по справкѣ, приказали: Въ виду крайней ограниченности Синодальныхъ средствъ на духовно-учебную часть, коихъ едва достаеетъ на покрытіе штатныхъ расходовъ по содержанию духовно-учебныхъ заведеній, и примѣнительно къ Синодальному опредѣленію, отъ 31 мая—16 іюня 1908 г. за № 92, коимъ предложено было, по той же причинѣ, Совѣтамъ духовныхъ академіи командировать на XIV археологическій съѣздъ, бывшій въ 1908 г. въ г. Черниговѣ, по одному только делегату отъ каждой академіи, съ назначеніемъ пособія имъ изъ Синодальныхъ средствъ по 150 рублей и съ предоставленіемъ, при желаніи командировать большее количество делегатовъ, изыскать имъ въ пособіе мѣстныя средства, Святѣйшій Синодъ, согласно вышеупомянутому отзыву Хозяйственнаго Управленія, опредѣляетъ: *назначить пособіе въ сто пятьдесятъ рублей лишь одному изъ профессоровъ Московской академіи, командируемыхъ на Костромской археологическій съѣздъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ прогоннаго кредита по духовно-учебному капиталу; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ*“.

Опредѣлили: Командировать на 4-й областной археологическій съѣздъ въ г. Костромѣ, въ качествѣ депутата отъ Академіи, ординарнаго профессора по кафедрѣ церковной археологии и литургики *А. И. Голубцова*, которому и выдать назначенное Святѣйшимъ Синодомъ пособіе на поѣздку въ размѣрѣ 150 рублей.

IV. Сообщенный Правленіемъ Академіи (въ копіи) указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 іюня за № 11:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 28 минувшаго Мая за № 1065, журналъ Учебнаго Комитета, № 232, о *вызовѣ въ*

составъ новообразуемыхъ курсовъ духовныхъ академій воспитанниковъ, окончившихъ ученіе въ духовныхъ семинаріяхъ. Приказали: Рассмотрѣвъ означенный журналъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣтамъ духовныхъ академій вызвать въ текущемъ году къ подлежащему сроку изъ числа 180 семинарскихъ воспитанниковъ, рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами, въ составъ новыхъ въ академіяхъ курсовъ 78 воспитанниковъ, окончившихъ курсъ семинарскаго ученія, изъ нихъ: а) въ С. - Петербургскую академію—20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Архангельской, Витебской, Владимірской, Вологодской, Волинской, Вятской, Костромской, Курской, Литовской, Новгородской, Подольской, Олонецкой, Полтавской, Псковской, Рижской, Рязанской, Ставропольской, Тамбовской, Тверской и Холмской; б) въ Кіевскую академію — 20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Владимірской, Волинской, Воронежской, Донской, Калужской, Костромской, Курской, Могилевской, Одесской, Олонецкой, Орловской, Пермской, Полтавской, Рязанской, Смоленской, Тифлисской, Черниговской, Ярославской, и двоихъ изъ Кіевской; в) въ Московскую Академію — 20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Виѣанской, Владимірской, Вологодской, Волинской, Донской, Иркутской, Калужской, Костромской, Курской, Могилевской, Новгородской, Орловской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской, Тверской, Тобольской, Тульской, и двоихъ изъ Московской; и г) въ Казанскую академію—18, по одному воспитаннику изъ семинарій: Астраханской, Иркутской, Калужской, Нижегородской, Одесской, Оренбургской, Орловской, Пермской, Самарской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской, Ярославской, и двоихъ изъ Александровской; 2) остальные затѣмъ казеннокоштные вакансіи на первомъ курсѣ академіи предоставитъ лучшимъ изъ имѣющихъ явиться къ приѣмнымъ испытаніямъ въ качествѣ волонтеровъ; 3) поручить Совѣтамъ духовныхъ академій, по окончаніи приѣмныхъ испытаній въ академіяхъ, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требующіяся Синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 12 Января 1849 года, съ указаніемъ и тѣхъ лицъ, которыя явятся на экзаменъ не по вызову и будутъ приняты въ число воспитанниковъ академій, и 4) предписать семинар-

скимъ начальствамъ, чтобы при избраніи воспитанниковъ въ академіи: а) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ, какъ по способностямъ, успѣхамъ въ ученіи и благонравію, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія, б) на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 19 Марта 1871 года за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками по прибытіи на мѣсто не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія отъ вступленія въ духовно-учебную службу, в) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки вмѣстѣ съ другими требующимися документами избранныхъ воспитанниковъ непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ коемъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣты академіи черезъ самихъ воспитанниковъ, и г) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными и суточными для проѣзда деньгами, а также необходимымъ на экипировку пособіемъ на основаніяхъ, изъясненныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, отъ 5 Мая 1905 года за № 228 (Церк. Вѣд. № 21). Для должныхъ распоряженій и исполненія со стороны Совѣтовъ духовныхъ академіи, послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Московскому, Кіевскому и Архіепископу Казанскому печатные циркулярныя указы, увѣдомивъ таковыми же Преосвященныхъ тѣхъ епархій, изъ которыхъ предназначается вызовъ семинарскихъ воспитанниковъ въ академіи“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію.

V. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *апрѣль* мѣсяцѣ текущаго года, изъ которой видно, что: а) *по болѣзни*—и. д. доцента и лекторъ французскаго языка Д. Г. Коноваловъ опустилъ 8 лекцій, экстраординарный профессоръ А. И. Покровскій—6 лекцій, экстраординарный профессоръ Н. Г. Городенскій, доцентъ и лекторъ англійскаго языка П. М. Громогласовъ, исправляющіе должность доцента Е. А. Воронцовъ и П. А. Флоренскій и лекторъ нѣмецкаго языка

В. П. Лучининъ—по 4 лекціи; ординарный профессоръ А. А. Спасскій, исправляющіе должность доцента Н. Л. Туницкій и С. П. Знаменскій—по 3 лекціи; экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ, исправляющіе должность доцента А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій—по 2 лекціи; б) *по служебнымъ обязанностямъ*: ординарный профессоръ А. И. Введенскій—12 лекцій.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VI. Прошенія:

а) Исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы *Н. Л. Туницкаго*:

„Представляя при семъ въ рукописи мое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Литературная дѣятельность св. Климента, епископа Словенскаго“ и приложенія къ этому изслѣдованію, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи принять мой трудъ къ разсмотрѣнію въ качествѣ диссертации на степень магистра богословія“.

б) Преподавателя Подольской духовной семинаріи Алексѣя *Шарапова*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи принять переработанное мною съ разрѣшенія Совѣта кандидатское сочиненіе: „Вторая книга Ездры“ (историко-критическое введеніе въ книгу) на соисканіе ученой степени магистра богословія“.

Справка: 1) Г.г. Туницкій и Шараповъ окончили курсъ въ Московской Духовной Академіи (первый—въ 1903, второй—въ 1904 году) со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новаго устного испытанія.—2) По § 81 лит. а п. 6 устава духовныхъ академій 1884 года, распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученія степени и оцѣнка оныхъ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацию и. д. доцента Академіи Н. Л. Туницкаго передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору по кафедрѣ русской церковной ис-

торіи *С. И. Смирнову*, а такову же дисертацію г. преподавателя Подольской духовной семинаріи Алексѣя Шарапова—исправляющему должность доцента *священнику Д. В. Рождественскому*.

VII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторыми рецензентами вышеозначенныхъ магистерскихъ диссертацій онъ назначаетъ членовъ Совѣта—заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова* (диссертаціи н. д. доцента Н. И. Туницкаго) и экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскаго* (диссертаціи г. Шарапова).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. а) Отношеніе Канцеляріи Святѣйшаго Синода отъ 1 мая за № 5939:

„Въ виду обстоятельствъ, изъясненныхъ въ указѣ Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго, отъ 10 минувшаго Апрѣля за № 4547, Синодальная Канцелярія покорнѣйше проситъ Совѣтъ Московской духовной академіи не отказать въ доставленіи дополнительно пяти экземпляровъ магистерскаго сочиненія г. *Коновалова* „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Часть I, выпускъ I“.

Справка: Пять экземпляровъ магистерской диссертаціи н. д. доцента Академіи *Д. Г. Коновалова* препровождены въ Канцелярію Святѣйшаго Синода при отношеніи отъ 4 мая за № 161.

б) Отношеніе Канцеляріи Оберъ - Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 11 мая за № 3672:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 22 декабря 1908 года за № 633, Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода имѣетъ честь препроводить при семъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи возвращенную старшимъ столоначальникомъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода надворнымъ совѣтникомъ *Виноградовымъ* рукопись его кандидатскаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Организація церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты и ихъ современное состояніе“.

Справка: Означенное въ отношенія кандидатское сочиненіе

г. Виноградова получено и сдано въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Отношенія:

а) Г. Ректора Императорскаго Московскаго Университета, отъ 19 мая за № 1678, съ препровожденіемъ диплома на степень магистра русской исторіи доцента Академіи по кафедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскаго*.

б) Ректора Рязанской духовной семинаріи, отъ 27 апрѣля за № 477, съ препровожденіемъ документовъ помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи *Н. Г. Шафранова*.

в) Правленія Курской духовной семинаріи, отъ 13 мая за № 568, съ препровожденіемъ аттестата на званіе студента семинаріи вольнослушателя Академіи діакона Феодора *Маркова*.

Опредѣлили: 1) Присланные документы хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи. 2) Свидѣтельство объ окончаніи діакonomъ *Ф. Марковымъ* семинарскаго курса отъ 9 іюня 1902 года за № 670 возвратить въ Правленіе Курской духовной семинаріи.

X. Отношеніе Г-жи Попечительницы Маріинскаго училища въ Москвѣ отъ 8 іюня за № 529:

„Экстраординарный профессоръ Московской Духовной Академіи Николай Гавриловичъ *Городенскій* обратился въ Совѣтъ Маріинскаго Училища съ ходатайствомъ о предоставленіи ему уроковъ исторіи.

Вслѣдствіи сего имѣю честь просить Совѣтъ Духовной Академіи о сообщеніи въ возможно скоромъ времени, не встрѣчается ли съ его стороны препятствій къ удовлетворенію означеннаго ходатайства г. *Городенскаго*.“

Опредѣлили: Увѣдомить Г-жу Попечительницу Московскаго Маріинскаго Училища, что къ предоставленію экстраординарному профессору Академіи *Н. Г. Городенскому* уроковъ исторіи въ этомъ училищѣ со стороны Совѣта Академіи препятствій не встрѣчается.

XI. а) Отчетъ окончившаго въ минувшемъ 1908 году

курсъ и оставленнаго при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ кандидата богословія *Сергѣя Голощапова* объ его научныхъ занятіяхъ въ теченіи 1908—1909 учебного года.

б) Прошеніе профессорскаго стипендіата *Сергѣя Голощапова*:

„Честь имѣю обратиться въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи съ покорнѣйшей просьбой. Желая служить по Духовно-Учебному Вѣдомству, я осмѣлюсь позволить себѣ высказать нѣкоторыя свои частныя желанія, удовлетвореніе которыхъ для меня весьма важно и даже до извѣстной степени необходимо. Прежде всего 1) излюбленныя мною науки суть богословскаго характера, къ нимъ у меня и душевное расположение и большая подготовленность, чѣмъ къ другимъ предметамъ. 2) За неимѣніемъ свободнаго мѣста собственно по богословію, я желалъ бы получить кафедру по Св. Писанію, гомилетикѣ, литургикѣ, а также по философіи, литературѣ или древнимъ языкамъ. 3) Что касается мѣста моего служенія, то оно для меня тоже весьма важно, и мнѣ особенно бы желалось получить должность въ центральной Россіи. Къ этому у меня есть особыя причины: а) въ центрѣ Россіи гораздо удобнѣе продолжать научныя занятія, чѣмъ гдѣ либо на далекой окраинѣ. Здѣсь же я могу постоянно поддерживать живыя и непосредственныя сношенія съ родною Московской Академіей и пользоваться необходимымъ мнѣ руководствомъ моихъ многоуважаемыхъ учителей г.г. профессоровъ Академіи. б) Состояніе моего здоровья слабое отъ природы и пошатнувшееся отъ усиленныхъ семинарскихъ и академическихъ занятій, не позволяетъ мнѣ жить на сѣверѣ или западѣ. в) Самъ я коренной Москвичъ и уѣзжать изъ центра Россіи для меня нравственно тяжело и особенно потому, что г) подъ Москвою живутъ мои престарѣлыя родители, для которыхъ я являюсь и послѣдней радостью и матеріальной поддержкой. 4) Въ крайнемъ случаѣ, за неимѣніемъ въ семинаріяхъ центральной Россіи свободныхъ мѣстъ по указаннымъ мною наукамъ, я согласенъ принять и какую-либо другую кафедру. 5) Согласенъ также принять мѣсто помощника смотрителя или преподавателя духовнаго училища въ Московской губерніи. 6) Весьма бы

мнѣ желательнo и даже прямо необходимо поступить на службу въ началѣ учебнаго года, такъ какъ къ этому побуждаетъ меня и желаніе какъ можно лучше использовать время и для назначенныхъ мнѣ работъ и для своихъ личныхъ научныхъ занятій,—а также и стѣсненныя матеріальныя обстоятельства всей моей семьи.

Высказавъ желаніе относительно своей будущей дѣятельности, я покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи посодѣйствовать мнѣ въ удовлетвореніи этихъ весьма важныхъ для меня условій и походатайствовать предъ Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ“.

Справка: 1) По § 56 устава духовныхъ академій: „Если приготавливавшійся къ преподавательской должности въ Академіи по какимъ-либо обстоятельствамъ не займетъ оную, то установленнымъ порядкомъ назначается на соотвѣтствующую предмету его занятій преподавательскую должность въ одной изъ духовныхъ семинарій“.—2) По § 56 устава духовныхъ семинарій: „Преподаватели семинарій опредѣляются на должности, въ теченіе всего учебнаго года, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по докладамъ Учебнаго Комитета“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о назначеніи профессорскаго стипендіата Сергѣя Голощапова на должность преподавателя богословскихъ предметовъ въ одну изъ семинарій центральной Россіи.

ХІІ. Отношенія:

а) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 11 мая за № 790, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Лаврской бібліотеки за №№ 724 и 793.

б) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 21 мая за № 787:

„Управленіе Императорской Публичной Библіотеки имѣетъ честь препроводить при семъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи, срокомъ на три мѣсяца, для научныхъ занятій ординарнаго профессора А. А. Спасскаго. слѣдующія изданія:

1) Neander. Genetische Entwicklung der vornehmsten gnostische System. Berlin 1818.

2) Baur. Die christliche Genosis oder die christliche Religionsphilosophie in ihrer geschichtliche Entwicklung. Tubingen 1835.

3) Baur. Das Manicheische System. 1831.

4) Honig. Die Ophiten. 1887.

съ покорнѣйшею просьбою во все время пользования выше-названными изданіями хранить ихъ въ Академической Библиотекѣ; что же касается остальныхъ просимыхъ изданій, то таковыхъ въ Библиотекѣ не имѣется.

Вмѣстѣ съ симъ Управление Библиотеки покорнѣйше проситъ поспѣшить возвращеніемъ книгъ, высланныхъ при отношеніяхъ отъ 13 октября и 11 ноября 1908 за №№ 1510 и 1670“.

Справка: 1) Означенныя въ послѣднемъ отношеніи книги получены и сданы для храненія и пользования ими въ фундаментальную академическую библиотеку.—2) Книги, присланныя при отношеніяхъ отъ 13 октября и 11 ноября 1908 года, за №№ 1510 и 1670, использованы лицами, для научныхъ занятій которыхъ онѣ были выписаны, и нынѣ возвращаются въ Управление Императорской Публичной Библиотеки.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Отношеніе Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета отъ 7 іюня за № 6020:

„Вслѣдствіе представленія историко-филологическаго факультета отъ 30 минувшаго мая за № 121, Правленіе Императорскаго Новороссійскаго университета, согласно опредѣленію своему, 3 сего іюня состоявшемуся, имѣетъ честь покорнѣйше проситъ Московскую Духовную Академію выслать въ библиотеку университета рукописи подъ №№ 151 а и 151 б, содержащія слова Св. Исаака Сиріянина, для научныхъ занятій приватъ-доцента С. Г. Вилинскаго, срокомъ на шесть мѣсяцевъ“.

Опредѣлили: Выслать въ Правленіе Императорскаго Новороссійскаго университета означенныя въ отношеніи рукописи на испрашиваемый шестимѣсячный срокъ.

XIV. Прошеніе бывшаго студента Московской Духовной Академіи *Николая Кронтовскаго*:

„Около двухъ лѣтъ я сильно болѣлъ и по причинѣ бо-

лѣзни не могъ явиться въ Академію для продолженія своихъ учебныхъ занятій. Въ настоящее время, по милости Божіей, болѣзнь проходитъ, и я чувствую себя въ состояніи возобновить прерванныя учебныя занятія. Не имѣя склонности къ университетскому и вообще свѣтскому образованію и желая продолжать свое образованіе въ Московской Духовной Академіи, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство ходатайствовать предъ Совѣтомъ Академіи о зачисленіи меня на третій курсъ, такъ какъ устные экзамены за второй курсъ мною уже сданы въ маѣ 1907 года. Одно сочиненіе за второй курсъ мною подано, второе сочиненіе по Свящ. Писанію составлено и по перепискѣ будетъ представлено мною въ непродолжительномъ времени, остальные покорнѣйше прошу отсрочить мнѣ, по случаю моего болѣзненнаго состоянія, на годъ. Медицинское свидѣтельство за № 16 при семъ прилагается“.

Справка: 1) Студентъ II курса Академіи Николай Кронтовскій, удовлетворительно сдавшій въ концѣ 1906—1907 учебнаго года устныя испытанія по всѣмъ предметамъ II курса, но не представившій семестровыхъ сочиненій по Священному Писанію Новаго Завѣта и нравственному богословію и проповѣди,—по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 7 сентября 1907 года переведенъ былъ въ слѣдующій, III-й, курсъ, подъ непремѣннымъ условіемъ представленія неподанныхъ имъ письменныхъ работъ къ концу 1907—1908 учебнаго года, но безъ внесенія въ разрядные списки и безъ права на стипендію.—2) Послѣ лѣтнихъ каникулъ 1907 года студентъ Кронтовскій въ Академію не явился и не представилъ никакихъ свѣдѣній о причинѣ своей неявки, вслѣдствіе чего, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 16—26 ноября 1877 года за № 1738, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 20 сентября 1907 года—признанъ выбывшимъ изъ числа студентовъ Академіи.—3) Изъ приложеннаго къ прошенію медицинскаго свидѣтельства видно, что студентъ Кронтовскій въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ болѣлъ тяжелой неврастеніей, но въ настоящее время отъ своей болѣзни вполне оправился и можетъ заниматься.—4) По § 81 лит. б п. 1 устава духовныхъ академій 1884 года „зачисленіе въ студенты Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, предста-

вляемыхъ на утверженіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять бывшаго студента Николая Кроптовскаго обратно въ число своекоштныхъ студентовъ III курса Академіи, съ обязательствомъ представить неподанныя имъ въ 1906—1907 учебномъ году письменныя работы къ концу будущаго 1909—1910 учебнаго года.

XV. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора священника Владимірской епархіи, Вязниковскаго уѣзда, погоста Никологорскаго, *Геннадія Гусева*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство зачислить меня вольнослушателемъ I-го курса Московской Духовной Академіи. Удостовереніе отъ мѣстнаго Преосвященнаго о неимѣнніи съ его стороны препятствій выдано будетъ послѣ увольненія меня за штатъ и представлено Вашему Преосвященству въ двадцатыхъ числахъ августа“.

Опредѣлили: Сужденіе по прошенію священника Геннадія Гусева имѣть въ началѣ слѣдующаго учебнаго года, по представленіи имъ необходимыхъ документовъ.

XVI. Заявленіе ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскаго*:

„Долгомъ своимъ считаю обратить вниманіе Совѣта на несовмѣстимость преподаванія общей церковной исторіи и патристики на одномъ и томъ же второмъ курсѣ.

1) Прежде всего взаимоотношеніе этихъ двухъ наукъ въ системѣ преподаванія таково, что одна изъ нихъ (патристика) необходимо должна предшествовать другой (церковной исторіи). Церковно-историческое познаніе опирается главнымъ образомъ на письменныя свидѣтельства прошлаго времени и идетъ отъ изученія отдѣльныхъ историческихъ фактовъ къ установкѣ общей ихъ связи и законосообразной зависимости. Но литературные памятники прошлаго, лежащіе въ основѣ церковно-историческаго познанія, могутъ составить надежную опору его лишь въ томъ случаѣ, если они предварительно подвергнуты критической оцѣнкѣ со стороны ихъ научной достовѣрности. Эта критическая оцѣнка, т. е. отдѣленіе подлинныхъ литературныхъ памятниковъ отъ

подложныхъ, опредѣленіе имени ихъ автора, датировка ихъ, составляетъ главнѣйшую задачу патристики и не можетъ входить въ кругъ вопросовъ, изучаемыхъ церковной исторіей, которая предполагаетъ всѣ результаты достигнутые патристикой въ области источниковъ уже извѣстными лицамъ, приступающимъ къ изученію ея. Полная біографія каждого автора извѣстной группы письменныхъ произведеній, хронологія ихъ жизни, детальное изображеніе его литературной и церковно-общественной дѣятельности, характеристика его богословско-философскаго міросозерцанія—все это также преимущественная область патролога. Церковный же историкъ, слѣдя за важнѣйшими событіями исторической жизни церкви, естественно можетъ останавливаться своимъ вниманіемъ лишь на выдающихся дѣятеляхъ извѣстной эпохи, притомъ ограничиваясь лишь обзоромъ одной какой-либо стороны ихъ дѣятельности, важной для обслѣдуемаго вопроса, не вдаваясь въ біографическія подробности, а иногда довольствуясь просто упоминаніемъ имени извѣстнаго историческаго лица или выдержкой изъ его сочиненій, въ той увѣренности, что все остальное, связанное съ именемъ упоминаемаго лица, знакомо его слушателямъ изъ патристическихъ чтеній. Церковная исторія опирается такимъ образомъ на патристику, какъ на свою научную подпочву; патристика же является въ отношеніи къ церковной исторіи пропедевтической наукой, безъ предварительнаго знакомства съ которой оказалось бы невозможнымъ надлежащее усвоеніе лекцій по церковной исторіи. Отсюда слѣдуетъ, что въ порядкѣ педагогическомъ преподаваніе патристики должно предшествовать, а не сопровождать собой изученіе церковной исторіи.

2) Къ этой непедagogичности соединенія преподаванія церковной исторіи и патристики на одномъ и томъ же курсѣ присоединяется и рядъ другихъ неудобствъ, чисто практическаго свойства. Въ современной научной постановкѣ патристика представляетъ собой не механически лишь упорядоченный сводъ біографій и богословскихъ системъ отцовъ и учителей церкви, а обязываетъ раскрывать идеи каждого церковнаго писателя въ ихъ исторической перспективѣ, въ кругу тѣхъ жизненныхъ условій, среди которыхъ протекала ихъ дѣятельность. Эта обязанность сама

по себѣ заставляеть преподавателя патристики привлечь въ сферу своихъ лекцій довольно обширный церковно-историческій матеріалъ. Такъ надлежащее ознакомленіе студентовъ съ антигностическими твореніями Иринея, Тертулліана и Ипполита возможно лишь въ такомъ случаѣ, если имъ предварительно преподана исторія важнѣйшихъ гностическихъ дѣятелей. Далѣе, древне-церковные дѣятели, какъ Тертулліанъ, св. Кипріанъ и блаж. Августинъ заявили о себѣ рядомъ значительныхъ трудовъ въ области церковной дисциплины, а вслѣдствіе этого и исторія дисциплинарныхъ споровъ древней церкви въ нѣкоторой своей части привлекается въ курсъ патристическихъ чтеній. Наконецъ историческая концепція ученія великихъ отцовъ IV и V вѣковъ по вопросамъ о Св. Троицѣ и Лицѣ Богочеловѣка можетъ быть правильно построена лишь при предварительномъ изученіи тѣхъ ересей, противъ которыхъ направлялись эти отцы въ своихъ богословскихъ построеніяхъ (системы арианства, несторианства, монофизитства). Само собой понятно, что исторія гносиса, исторія дисциплинарныхъ споровъ и исторія тринитарныхъ и хринологическихъ движеній древней церкви составляетъ собой существенное содержаніе и лекцій по общей церковной исторіи. Такимъ образомъ, студенты 2-го курса по крайней мѣрѣ въ теченіе половины учебнаго года на лекціяхъ по церковной исторіи и патристикѣ выслушиваютъ одинъ и тотъ же историческій матеріалъ, хотя и въ различныхъ редакціяхъ. Не говоря уже объ излишней тратѣ времени, вызываемой такой постановкой дѣла, изложеніе одного и того же историческаго вопроса, но съ различныхъ точекъ зрѣнія и въ различныхъ логическихъ комбинаціяхъ, невольно должно оставлять по себѣ нѣкоторую путаницу и неясность въ умахъ слушателей, что въ особенности и обнаруживается при отвѣтахъ ихъ на экзаменахъ, какъ это показалъ намъ нашъ собственный опытъ.

Въ устраненіе всѣхъ этихъ неудобствъ, вытекающихъ изъ совмѣстнаго преподаванія церковной исторіи и патристики на одномъ 2-мъ курсѣ, я и обращаюсь съ почтительнѣйшей просьбой къ Совѣту о перенесеніи лекцій по церковной исторіи на 3-й курсъ“.

Справка: По § 81 лит. а п. 2 устава духовныхъ академій 1884 года—„распредѣленіе предметовъ ученія и порядка ихъ

преподаванія въ академіи“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Соглашаясь съ предложеніемъ ординарнаго профессора А. А. Спасскаго, преподаваніе *общей церковной исторіи* перенести со II на III академическій курсъ.

XVII. Прошеніе окончившаго въ минувшемъ 1908 году академическій курсъ и командированнаго Совѣтомъ Академіи въ Константинополь для занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ кандидата богословія *Николая Махаева*:

„Принося глубокую благодарность Совѣту Московской Духовной Академіи, давшему мнѣ командировку для занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополь, позволяю себѣ обратиться къ нему съ просьбою, не найдетъ ли возможнымъ Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ о предоставленіи мнѣ въ одной изъ семинарій (если возможно, южныхъ) кафедры по одному изъ тѣхъ предметовъ, въ области которыхъ были сосредоточены мои занятія въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, т. е. литургіи, церковной исторіи и греческаго языка“.

Опредѣлили: Съ препровожденіемъ хранящихся при дѣлахъ Совѣта Академіи документовъ кандидата Николая Махаева, просить Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, при назначеніи Махаева на духовно-учебную службу, принять во вниманіе выраженныя въ его прошеніи пожеланія.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1909 г. Іюля 1. Утверждается“.

10 іюня 1909 года.

№ 6.

Присутствовали. подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынъ, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарфевъ;

экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовали: ординарные профессора А. И. Введенскій и С. С. Глаголевъ и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: 1. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Встѣхсвятскаго*. „Честь имѣю представить Совѣту Академіи табели балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, а также и по поведенію, полученныхъ за истекшія 1908—1909 учебный годъ студентами первыхъ трехъ курсовъ Академіи“.

По разсмотрѣніи табелей оказалось, что:

1) Изъ 73 студентовъ I курса—а) не держали устныхъ испытаній: свящ. *Авдашкевичъ* Петръ (по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ), іеромонахъ *Серафимъ* (Іовановичъ), серб. урож. (по библейской исторіи), *Рязановскій* Сергѣй (по библейской исторіи, введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, метафизикѣ и теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ), *Соболевъ* Владиміръ (по всѣмъ предметамъ I курса) и свящ. *Поповичъ* Димитрій, серб. урож. (по всѣмъ предметамъ I курса; не представилъ также и никакихъ письменныхъ работъ); б) не представили семестровыхъ сочиненій: свящ. *Архангельскій* Леонидъ (по библейской исторіи), свящ. *Безсоновъ* Николай (по новой гражданской исторіи), *Рудневъ* Николай (по словесности) и *Сахаровъ* Сергѣй (по новой гражданской исторіи).—Всѣ поименованные студенты, за исключеніемъ серб. уроженца священника *Поповича* Димитрія, представили въ Совѣтъ Академіи прошенія, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, о разрѣшеніи имъ сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ.—в) Поведеніе пятидесяти восьми студентовъ означено балломъ 5, десяти—балломъ 5—, трехъ балломъ 4+ и двухъ—балломъ 4.

2) Изъ 58 студентовъ II курса—а) не держали устныхъ испытаній: свящ. *Борисовъ* Василій (по патристикѣ и исторіи философіи) и *Труфановъ* Максимиліанъ (по исторіи философіи); б) не представили семестровыхъ сочиненій по психологіи: *Вавресюкъ* Иванъ, *Давидовичъ* Владиміръ, *Плѣшиновъ* Павелъ, *Покровскій* Александръ и *Шумъ* Андрей (послѣдній—

также и проповѣди).—Отъ всѣхъ поименованныхъ студентовъ поступили въ Совѣтъ Академіи прошенія, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ,—о разрѣшеніи имъ сдать устные испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ.—6) Поведеніе сорока семи студентовъ означено балломъ 5 и одиннадцати—балломъ 5—.

3) Изъ 60 студентовъ III курса—а) не держали устныхъ испытаній: архим. Михаилъ, серб. урож. (по латинскому языку), Сухановъ Александръ (по всѣмъ предметамъ III курса; не представилъ также и никакихъ письменныхъ работъ), Уаровъ Петръ (по Священному Писанію Вѣтхаго Завѣта и исторіи западныхъ исповѣданій) и Харитоновъ Сергѣй (по Священному Писанію Новаго Завѣта; не представилъ также семестрового сочиненія по церковной археологіи и проповѣди); б) не представили семестровыхъ сочиненій: Архангельскій Владиміръ (по церковной археологіи) и Ржепникъ Миронъ (по церковному праву и церковной археологіи).—Всѣ поименованные студенты просятъ Совѣтъ Академіи отложить имъ сдачу устныхъ испытаній и представленіе письменныхъ работъ на послѣ-каникулярное время (прошеніе студента Александра Суханова заслушано было въ собраніи Совѣта 21 апрѣля с.г.)—Сербскій уроженецъ архимандритъ Михаилъ, на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 14 августа 1902 года за № 6245, ходатайствуетъ о разрѣшеніи ему сдать экзамень по латинскому языку на IV курсъ въ будущемъ 1909—1910 учебномъ году.—в) Поведеніе сорока девяти студентовъ означено балломъ 5, десяти—балломъ 5— и одного—балломъ 4+.

Справка: 1) §§ 132—134 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію... При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся.—Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго ака-

демического курса“ 2) По § 81 лит. а п. п. 4—5 устава духовныхъ академій: „составленіе списка студентовъ послѣ испытаній и переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи. 3) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вѣнено въ обязанность позволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ-каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ I, II и III курсовъ Академіи—перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) во II курсъ:—студентовъ I курса: 1) Ремова Николая, Муратова Василия, Левкоева Николая, Яхонтова Дмитрія, 5) Тихомирова Павла, свящ. Смирнова Порфирія, Троицкаго Виктора, Успенскаго Александра, Грацинскаго Ивана, 10) Маркова Владиміра, Степанова Андрея, Писова Стефана, Голованенко Сергѣя, 15) Епифановича Григорія, свящ. Коновалова Іосифа, Успенскаго Ивана, свящ. Добровольскаго Василия, Богоявленскаго Сергѣя, Орлова Василия, 20) свящ. Иванова Александра, Даниловскаго Александра, Изюмова Ивана, Титова Алексѣя, Носова Константина, 25) Прилуцкаго Сергѣя, Брянцева Леонида, Петропавловскаго Василия, Чайкина Георгія, свящ. Ефремова Михаила, 30) Никольскаго Василия, Новгородскаго Павла, Курганскаго Михаила, Соловьева Ивана, Мигулина Александра, 35) свящ. Люстрицкаго Михаила, Перехвальскаго Валентина, Ильинскаго Николая, свящ. Овсянникова Григорія, свящ. Надеждина Александра, 40) Сперанскаго Михаила, свящ. Владимірскаго Алексѣя, Ивановскаго Семена, Любимова Ѳедора, Рязановскаго Ѳедора, 45) Уметскаго Петра, свящ. Лебедева Константина, свящ. Лукьянова Михаила, Реутова Валентина, свящ. Андреевскаго Александра, 50) свящ. Соколова Алексѣя, свящ. Ильинскаго Михаила, Иванова Константина, Макевича Іосифа, Чернышева Ивана, 55) Прокоповича Бориса, Телятьева Валеріана, Алексѣева Павла, Виноградова Ми-

хаила, Максимова Александра, 60) Введенскаго Ивана, свящ. Михальчука Евстаѣя, Хотовицкаго Александра, Вершинскаго Николая и 64) Игумановича Ефрема, серб. уроженца.

б) въ III курсъ—студентовъ II курса: 1) монаха Пантелеимона (Успенскаго), Сперанскаго Алексѣя, Протасова Николая, свящ. Медвѣдкова Пантелеимона, 5) свящ. Горохова Иакова, Пикалова Константина, свящ. Виноградова Николая, Смирнова Ивана, Ильинскаго Владиміра, 10) свящ. Миловскаго Николая, діак. Смирнова Іоанна, Малышева Николая, Орлова Алексѣя, Кочетова Сергѣя, 15) свящ. Лебедева Дмитрія, Филипповскаго Бориса, Мурашева Алексѣя, свящ. Лаврова Тихона, іером. Николая (Могилевскаго), 20) Семеновскаго Николая, свящ. Струминскаго Мартина, Ястремскаго Николая, Лебедева Александра, Толгскаго Николая, 25) Четверухина Илью, Житникова Сергѣя, Сомова Николая, Владиславлева Владиміра, свящ. Новикова Константина, 30) Гіацинтова Василия, свящ. Невскаго Петра, Каширенинова Владиміра, Корнѣевича Іустина, Скворцова Владиміра, 35) свящ. Никольскаго Александра, Садковскаго Сергѣя, Нарбекова Сергѣя, Меліоранскаго Ивана, Венустова Александра, 40) Гиляревскаго Андрея, Парія Андрея, Павловскаго Пвана, Семенова Михаила, діак. Смородина Валентина, 45) свящ. Орлова Сергія, Соколова Виктора, свящ. Колесниченко Александра, Богоявленскаго Гавріила, Дубчука Владиміра, 50) свящ. Кудрживскаго Антонія и 51) Купріянова Николая.

в) въ IV курсъ—студентовъ III курса: 1) Троицкаго Владиміра, Горскаго Александра, свящ. Соколова Василия, Преображенскаго Виктора, 5) Александровскаго Василия, свящ. Синадскаго Евгенія, Яхонтова Александра, свящ. Добронравова Георгія, свящ. Платонова Веніамина, 10) Бѣляева Михаила, діак. Попова Николая, Рождественскаго Евгенія, Казанскаго Платона, Рубинскаго Сергѣя, 15) свящ. Вьюкова Алексѣя, Вышеславова Дмитрія, Троицкаго Алексѣя, свящ. Соболева Алексѣя, Мальгинова Бориса, 20) Бабакова Александра, Мусатова Николая, Панова Павла, Фортунатова Василия, Сахарова Николая, 25) Городецкаго Федора, Благовѣщенскаго Сергѣя, Ватутина Михаила, свящ. Князева Але-

ксандра, Счастлива Михаила, 30) Волкова Андрея, Щукина Николая, Лимачева Василия, Говлева Александра, священ. Покровскаго Теодора, 35) Соколова Петра, Ефимова Теодора, Ковригина Михаила, священ. Литвиненко Александра, Иллювиева Павла, 40) Даниленко Прохора, Смирнова Петра, Фомина Николая, іерод. Филиппа (Ставицкаго), Фаворитова Павла, 45) Баржицкаго Михаила, Дмитревскаго Леонида, Вязовскаго Василя, Воинова Сергѣя, Доброхотова Алексѣя, 50) Воскресенскаго Василя, Никонова Алексѣя, священ. Баронова Николая, Попова Николая и 54) Рождественскаго Леонида.

2) Студента III курса, сербскаго уроженца, *архимандрита Михаила* также перевести въ слѣдующій курсъ, съ разрѣшеніемъ сдать экзаменъ по латинскому языку при окончаніи академическаго курса.

3) Студента I курса, сербскаго уроженца, *священника Димитрія Поповича* оставить въ томъ же курсѣ на второй годъ.

4) Всѣмъ студентамъ I, II и III курсовъ, переведеннымъ въ слѣдующіе курсы и занимающимъ въ разрядныхъ спискахъ мѣста съ 1-го по 30 е включительно, назначить на будущій 1909—1910 учебный годъ *казенныя стипендіи*.— Назначеніе частныхъ стипендій отложить до сентябрскаго собранія Совѣта Академіи.

5) Студентамъ—а) I курса: священ. *Авдашкевичу* Петру, священ. *Архангельскому* Леониду, священ. *Безсонову* Николаю, іеромонаху *Серафиму* (Говановичу), *Рудневу* Николаю, *Рязановскому* Сергѣю, *Сажарову* Сергѣю и *Соболеву* Владиміру; б) II курса: священ. *Борисову* Василю, *Вавресюку* Ивану, *Давидовичу* Владиміру, *Плѣшанову* Павлу, *Покровскому* Александру, *Труфанову* Максимилиану и *Шуму* Андрею; в) III курса: *Архангельскому* Владиміру, *Ржепкику* Мирону, *Сухинову* Александру, *Уирову* Петру и *Хиритонову* Сергѣю дозволить сдать устные испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1909 года.

6) Постановленіе, изложенное въ п. 5-мъ, представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

II. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что ко дню настоящаго собранія изъ 55 студентовъ IV курса сдали устные испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и представили обязательныя письменныя работы (въ томъ числѣ и самовольно неподанныя ими на II и III-мъ курсахъ семестровыя сочиненія по нравственному богословію и исторіи и разбору западныхъ исповѣданій) лишь 24 студента, вѣдомость объ усѣхахъ и поведеніи которыхъ за четыре года академическаго курса при семъ представляется.—Изъ нихъ 8 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь курсъ баллъ не менѣе 4^{1/2}, 13—не менѣе 4 и 1—не менѣе 3.—Два же студента: *Добро-творцевъ* Борисъ и *Поповъ* Алексѣй не представили кандидатскихъ сочиненій.—Поведеніе студентовъ IV курса за 1908—1909 учебный годъ въ представленной Г. Инспекторомъ Академіи вѣдомости означено: сорока четырехъ студентовъ—балломъ 5, шести—балломъ 5—, двухъ—балломъ 4+ и трехъ—балломъ 4“.

б) Отзывы профессоровъ и преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ 22 студентовъ IV (LXIV) курса:

1) Доцента Анатоля Орлова о сочиненіи студента *Аеонскаго Осдора* на тему: „Административный и дисциплинарный строй Римской церкви при папѣ Григоріи I-мъ“.

„Сочиненіе г. Аеонскаго, посвященное характеристикѣ строя римской церкви въ понтификатъ Григорія I-го,—въ ту переходную стадію исторіи западной церкви, когда ея древній укладъ сталъ болѣе или менѣе замѣтно трансформироваться въ типическій строй средневѣковья,—распадается на слѣдующіе отдѣлы. Представивъ во „введеніи“ (I—XX) и въ первой „части“ (1—37) своего труда (каковую „часть“, по нашему мнѣнію, было бы удобнѣе присоединить къ введенію) очеркъ папской дѣятельности Григорія I-го въ связи съ церковно-политическими условіями итальянской жизни въ концѣ 6-го вѣка, авторъ въ слѣдующихъ частяхъ своего сочиненія трактуетъ о правахъ и объемѣ папской власти при св. Григоріи, о церковно-юридическомъ положеніи при немъ епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, карди-

наловъ, низшихъ церковныхъ клириковъ, собора, монашества (38—250 стр.), затѣмъ довольно подробно характеризуетъ организацію управленія земельной собственностью римской церкви при Григоріи (251—323 стр.), и, наконецъ, останавливается на характеристикѣ различныхъ формъ дисциплинарной практики римской церкви при Григоріи I-мъ въ отношеніи къ схизматикамъ, іудеямъ, язычникамъ, церковнымъ преступникамъ изъ среды духовенства и къ кающимся грѣшникамъ (324—412 стр.). Уже это общее обзорнѣе содержанія работы г. Аѳонскаго свидѣтельствуетъ объ ея предметной разносторонности и полнотѣ. И со стороны научнаго аппарата, при помощи котораго г. Аѳонскій раскрываетъ предметъ своей работы, его сочиненіе производитъ симпатичное впечатлѣніе. Сужденія автора всегда подтверждаются точными (за немногими исключениями—стр. 139) ссылками на документальныя данныя, относящіяся къ характеризуемой эпохѣ,—преимущественно на декреты и многочисленныя посланія папы Григорія I-го, которыя видимо изучены авторомъ тщательно. Въ качествѣ пособій при написаніи своей работы авторъ пользовался кромѣ сочиненій, посвященныхъ непосредственно личности и понтификату Григорія I-го (Pfahler, Wolfsgruber, Langen, Успенскій), и многими авторитетными изслѣдованіями по соприкосновеннымъ съ темой автора историческимъ и каноническимъ вопросамъ (Андреевъ, Лепорскій, Предтеченскій, Малицкій, Гидуляновъ, Суворовъ, Hinschius и др.). Но наряду съ отмѣченными несомнѣнными достоинствами работы г. Аѳонскаго его сочиненіе—не чуждо и нѣкоторыхъ довольно существенныхъ недостатковъ. Прежде всего, такимъ недостаткомъ является конспективность его изложенія, вслѣдствіе чего работа г. Аѳонскаго далеко не даетъ такой живой и наглядной картины административныхъ и дисциплинарныхъ отношеній въ римской церкви при папѣ Григоріи I-мъ, какой мы могли ожидать отъ нея въ виду несомнѣннаго близкаго знакомства автора съ источниками и литературой обсуждаемыхъ вопросовъ. Авторъ при раскрытіи своихъ тезисовъ обыкновенно довольствуется лишь глухими ссылками на соотвѣтствующія мѣста изъ произведеній Григорія, не подвергая эти мѣста болѣе или менѣе обстоятельному анализу. Между тѣмъ такія иллюстраціи не только въ значительной степени ожи-

вили бы изложение автора, которое теперь порою сильно напоминает просто краткій учебникъ каноническаго права, но и обогатили бы его многими характерными для 6-го вѣка церковно-историческими деталями, которыя теперь ускользнули изъ поля зрѣнія автора. Эта конспективность изложенія г. Аѳонскаго, мѣстами граничащая съ поверхностностью анализа, является особенно досадной, когда авторъ трактуеть о такихъ важныхъ вопросахъ, какъ отношеніе римскаго престола въ 6-мъ вѣкѣ къ Константинопольскому патриарху (93 — 104 стр.), — къ важнѣйшимъ западнымъ каѳедрамъ (105—125 стр.), — целибату (167—8 стр.) и др., когда мы вправѣ ожидать отъ автора не только тщательнаго анализа всѣхъ относящихся сюда мѣстъ изъ произведеній Григорія I-го, но—и болѣе точнаго освѣщенія ихъ въ исторической перспективѣ,—тѣмъ болѣе, что имѣвшіяся подъ руками автора пособія по даннымъ вопросамъ представляли для этой работы достаточно полный и провѣренный матеріаль. Наконецъ, въ сочиненіи г. Аѳонскаго встрѣчаются мѣстами частныя сужденія, съ которыми едва ли можно согласиться (стр. 54, 69—70, 131, 152, 403 и др.).

Впрочемъ отмѣченные недостатки не препятствуютъ признать сочиненіе г. Аѳонскаго очень хорошей кандидатской работой, а ея автора — вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

2) Инспектора Академіи — и. д. ординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента священника Васильева Иоанна на тему: „Св. Григорій Богословъ, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ“:

„Обширный трудъ о. Васильева (стр. XXII + 978) представляетъ собою болѣе, нежели спеціально-пасторологическое изслѣдованіе. Это скорѣе обстоятельная церковно-историческая монографія, въ которой выдающійся образъ св. Григорія Богослова очерчивается весьма полно и всесторонне, въ связи съ обстоятельствами не только личной его жизни, но и цѣлой эпохи.

Сообразно съ темой, сочиненіе естественно распадается на двѣ части: въ первой части изображается „практическая дѣятельность св. отца въ связи съ ходомъ его жизненнаго пути; во второй части излагается ученіе его о пастырствѣ“. Частнѣе:

въ краткомъ *введеніи* (стр. 1—18) авторъ разсуждаетъ о важности и пользѣ изученія пастырской жизнедѣятельности великихъ отцовъ церкви вообще и св. Григорія Богослова въ частности, затѣмъ намѣчаетъ планъ своей работы и характеризуетъ методъ изложенія; далѣе, въ 1-й главѣ *первой* части авторъ трактуетъ о подготовительномъ, до-пастырскомъ, періодѣ жизни св. Григорія,—объ его родителяхъ, о первоначальномъ воспитаніи въ семьѣ и о школьномъ образованіи, при чемъ подробно описываетъ бытъ и нравы тогдашняго аѳинскаго студенчества, весь школьный строй и различные предметы преподаванія, говоритъ о дружбѣ и совмѣстныхъ занятіяхъ великихъ Каппадокійцевъ и т. д. (21—148); въ главѣ 2-й описывается Назіанскій періодъ пастырской дѣятельности св. Григорія, при чемъ затрогиваются очень важные и сложные вопросы о взаимоотношеніи Церкви и государства въ IV в., о различномъ отношеніи къ Церкви императоровъ Константина, Юліана и Валента, также анализируетъ многія слова св. Григорія, относящіяся къ этому періоду жизни его до удаленія въ Селевкійскій монастырь св. Θεоклы (стр. 149—324); въ главѣ 3-ей изображается Константинопольскій періодъ пастырской и проповѣднической дѣятельности св. Григорія, особенно—его борьба съ еретиками и дѣятельность на 2-мъ всел. соборѣ до оставленія Константинополя (стр. 325—478); въ главѣ 4-й характеризуется послѣдній періодъ жизнедѣятельности св. Григорія Богослова, при чемъ авторъ особое вниманіе удѣляетъ разсмотрѣнію стихотвореній и писемъ св. отца, изображаетъ его аскетическіе подвиги и самую блаженную кончину, присоединяя въ заключеніе общую характеристику его, какъ писателя и богослова догматико-полемиста, какъ оратора-проповѣдника и какъ пастыря-моралиста (стр. 479—634).

Вторая часть сочиненія заключаетъ въ себѣ также четыре главы. Изъ нихъ въ 1-й излагается общее ученіе св. Григорія о пастырствѣ, его богоучрежденности, важности, задачахъ и отвѣтственности (стр. 637—704); во 2-й—ученіе св. отца о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ лицъ пастырскаго званія (стр. 705—802); въ 3-ей—ученіе о средствахъ пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ (о примѣрной жизни пастыря, о наученіи пасомыхъ словомъ, о молитвѣ его за паству и за себя, за враговъ и обидящихъ, о дѣлахъ

милосердія, объ отношеніи пастыря къ еретикамъ и различнымъ грѣшникамъ; вообще о частномъ пастырскомъ душепопеченіи по примѣру Господа І. Христа и св. Апостоловъ,—стр. 803—878); наконецъ, въ 4-й главѣ изображается пастырь, какъ членъ общества и ходатай предъ высшими о низшихъ, предъ богатыми о бѣдныхъ, предъ угнетателями за угнетенныхъ (стр. 879—964).

Заключаетъ авторъ свой трудъ небольшимъ *послѣсловіемъ* (стр. 965—974), въ которомъ бросаетъ „ретроспективный взглядъ“ на свою работу, и указаніемъ *литературы* по избранному вопросу въ отдѣльныхъ изданіяхъ и въ журнальныхъ статьяхъ (стр. 975—978).

Такъ полно и съ замѣтною любовію изучена нашимъ авторомъ и описана жизнь и дѣятельность великаго пастыря вселенской церкви,—изучена и описана непосредственно по самымъ твореніямъ его, иногда даже не по переводу, а по греческому подлиннику (стр. 903, 919, 921).

Изложено все сочиненіе правильнымъ, яснымъ и живымъ языкомъ, къ тому же—съ большимъ одушевленіемъ. Видно, что предметъ изслѣдованія былъ взятъ не для отбытія только повинности, но съ неподдѣльнымъ интересомъ и любовію къ высокой личности святителя Богослова; и можно пожелать, чтобы авторъ разработалъ его детальнѣе для магистерской диссертации впослѣдствіи.

Для степени же кандидата богословія трудъ о. Васильева вполне достаточенъ“.

3) И. д. доцента священника Димитрія Рождественскаго о сочиненіи студента *Введенскаго Александра* на тему: „Комментарій на IV, 1—16 кн. Бытія“:

„Составители ученыхъ изслѣдованій, лекторы, проповѣдники нерѣдко черезчуръ энергично настаиваютъ на преимущественной, исключительной важности избраннаго ими предмета. Въ подобномъ тонѣ начинается свое сочиненіе и г. Введенскій: на стр. 2-й онъ заявляетъ, что избранная имъ для изслѣдованія глава IV кн. Бытія „по своему значенію *безмѣрно возвышается* надъ всѣми прочими главами первой законоположительной книги пр. Моисея“. Преувеличенность этого заявленія обнаруживается черезъ нѣсколько же строкъ: на стр. 3-й авторъ, впадая въ противорѣчіе съ самимъ со-

бою, замѣчаетъ, что эта глава „представляетъ собою ничто иное, какъ заключеніе 3-й главы, своего рода поясненіе или иллюстрацію ея“. Въ такомъ случаѣ, она уже, конечно, не можетъ *безмырно возвышаться*, по крайней мѣрѣ, надъ гл. III-й, которой служитъ поясненіемъ, или иллюстраціею.

Въ самомъ же началѣ сочиненія авторъ утверждаетъ, что избранной имъ для комментирования главѣ доселѣ удѣлялось слишкомъ мало вниманія (стр. 1—2); въ связи съ этимъ стоитъ его рѣзко отрицательное отношеніе безусловно ко всѣмъ изслѣдователямъ данной главы, будь то составители семинарскихъ учебниковъ, профессора духовныхъ академій, первоклассные авторитеты въ области экзегетики на Западѣ или свв. отцы Церкви. Съ необыкновенною послѣдовательностью приходя къ одному заключенію: „съ даннымъ мнѣніемъ согласиться нельзя“ (стр. 224, 361, 368, 373, 429, 433, 447 и мн. др.), авторъ всегда пытается дать свое собственное, непременно новое и оригинальное толкованіе (стр. 154, 175, 225, 281, 351, 468 и др.), найти разрѣшеніе труднаго вопроса „тамъ, гдѣ еще никогда не искали“ (стр. 6). Для г. Введенскаго не существуетъ такихъ мнѣній, которыя онъ согласился бы принять и усвоить себѣ, признавъ ихъ удовлетворительность, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, повидимому, исходитъ изъ того предположенія, что его изслѣдованіе должно окончательно разрѣшить всѣ вопросы и недоумѣнія, касающіеся избранной имъ темы. Такихъ вопросовъ, которые онъ нашелъ бы нужнымъ оставить открытыми, по недостаточности данныхъ для рѣшительнаго сужденія, или гдѣ бы онъ ограничился предположительными разъясненіями, не настаивая на безусловной основательности и исключительномъ значеніи проводимыхъ имъ взглядовъ, для него нѣтъ.

Какъ и слѣдуетъ ожидать, эта отвага и увѣренность въ собственныхъ силахъ начинающаго изслѣдователя не вездѣ оправдываются: основательность аргументаціи часто далеко не соответствуетъ категоричности высказываемыхъ имъ сужденій; иногда имъ предлагаются такія толкованія, которыя гораздо менѣ существующихъ удовлетворительны и основательны; нерѣдко онъ задается праздными вопросами, рѣшеніе которыхъ ни къ чему не приводитъ, или пускается въ область ни на чемъ не основанныхъ догадокъ, высказываетъ соображенія, для которыхъ въ текстѣ не дается ни малѣй-

шаго повода. Вотъ нѣкоторые примѣры. „Не удовлетворившись существующими комментаріями на 1 ст. IV гл. кн. Бытія“, авторъ предлагаетъ собственное толкованіе: וְיָסַף , по его мнѣнію, въ данномъ случаѣ, можетъ имѣть только одно значеніе—„супругъ“, а слова Евы слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что она, родивъ сына, выражаетъ надежду на возвращеніе расположенія мужа, утраченнаго послѣ того, какъ она сдѣлалась виновницею грѣхопаденія. „Вѣдь всѣмъ извѣстно, рассуждаетъ авторъ, что дѣти, а первенцы въ особенности, лучше всего укрѣпляютъ брачный союзъ и привязываютъ мужа къ женѣ. Значить, и рожденіе Каина имѣло особую цѣнность съ этой именно стороны“ (стр. 154—156). Аргументацію автора, основываемую, главнымъ образомъ, на разборѣ значенія слова וְיָסַף , нельзя признать достаточно убѣдительною. Употребленіе этого слова въ смыслѣ указанія, прежде всего, на полъ, а не на возрастъ; замалчиваемое авторомъ употребленіе выраженія $\text{וְיָסַף אֶתְּיָסַף}$ (1 Цар. I, 11) объ ожидаемомъ младенцѣ мужескаго пола; невѣроятность предположенія, что при рожденіи Каина помыслы Евы были сосредоточены не на новорожденномъ, къ которому такъ естественно было отнести данное Богомъ обѣтованіе о сѣмени жены, а на отношеніе къ ней мужа:—все это говоритъ за болѣшую основательность существующаго пониманія приведеннаго выраженія. Авторъ могъ бы подтвердить свое пониманіе ссылкой на параллельныя мѣста въ книгѣ же Бытія (29, 32—34; 30, 20),—по различію обстоятельствъ, впрочемъ, далеко не вполне соответствующія разбираемому тексту; но онъ этого не дѣлаетъ.—На стр. 388—396 авторъ рѣшительно возстаетъ противъ общепринятаго, вполне естественнаго и не вызывающаго никакихъ недоразумѣній пониманія ст. 9 въ смыслѣ упорства и ожесточенія Каина; по его мнѣнію, „Каинъ моментально созналъ свой грѣхъ и повинился предъ Богомъ“. Отрицательный отвѣтъ Каина на вопросъ Господа объ Авелѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что Каинъ и его родители „еще не дошли до познанія Бога во всѣхъ Его свойствахъ“; и если бы Каинъ „зналъ, что Господь вседѣущъ, всевѣдущъ, то никогда не сталъ бы отпираться и отговариваться незнаемъ“: здѣсь пишущій впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою. Подобныя же разсужденія находятся въ прим. къ стр. 243: „по библейскому повѣствованію

видно, что первые люди *вполнѣ откровенно* признали предъ Богомъ фактъ совершившагося преступленія“... Какъ помирить съ полною откровенностью намѣреніе прародителей скрыться отъ лица Божія, объясненіе Адамомъ этого факта вымышленною, а не дѣйствительною причиною, стремленіе Адама оправдать себя путемъ обвиненія Евы (и вполнѣ вѣроятно,—Самого Бога: *жена, которую Ты мнѣ далъ*), ссылку Евы, вмѣсто прямого отвѣта на вопросъ о ея виновности, на обольщеніе змѣя;—авторъ не разъясняетъ. По мнѣнію г. Введенскаго, Каинъ, послѣ выясненія результата принесенной имъ жертвы, не могъ гнѣваться на Авеля, какъ представляется, повидимому, по смыслу повѣствованія IV главы: Авель былъ совершенно невиненъ въ томъ, что жертва Каина не принята Богомъ (стр. 279—280). Но конечно, нѣтъ никакой нужды справляться съ курсами специальныхъ наукъ для полной увѣренности въ томъ, что зависть и злоба поражаютъ и ни въ чемъ неповинныя жертвы, не производя надъ ними предварительнаго безпристрастнаго суда.—На стр. 162 сказано предположеніе, что Моисей не упомянулъ о зачатіи Авеля, можетъ быть, во избѣжаніе тавтологіи. Если бы авторъ на этомъ предположеніи и остановился, можно бы, пожалуй, и не возражать ему въ этомъ пунктѣ; но онъ, развивая эту мысль, приходитъ къ общему заключенію, что „Моисей описывалъ событія въ чрезвычайно краткой, сжатой формѣ“, и рассуждаетъ такъ: „вѣдь что за рѣчь получилась бы у Моисея, напиши онъ о зачатіи Авеля? „Адамъ позналъ Еву, жену свою и она зачала и родила Каина, и сказала: приобрѣла я челоувѣка отъ Господа. И позналъ Адамъ Еву и она зачала и родила Авеля и сказала“... Но выраженіе *зачала и родила сына и сказала мы* встрѣчаемъ, напр. у Моисея въ каждомъ изъ четырехъ послѣднихъ (32—35) стиховъ главы 29 кн. Бытія.—На стр. 167 авторъ заявляетъ: „имена никогда не измѣнялись за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда совершено это было по повелѣнію Божію“. Этому утвержденію, высказанному въ категорической формѣ, противорѣчатъ нѣкоторые факты перемѣны имени, отмѣченные въ священныхъ книгахъ, напр., въ Быт. 25, 30; Числ. 13, 17 (Синод.=евр. ст. 16); Руф. 1, 20: здѣсь совсѣмъ не упоминается о повелѣніи Божіемъ.—Argumentum e silentio то имѣетъ въ глазахъ автора значеніе доказательства высокой степени

убѣдительности, то не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Молчаніе древнееврейскихъ историковъ и комментаторовъ о Каинѣ и Авелѣ, какъ представителей цѣлыхъ народностей, „служить самымъ лучшимъ показателемъ того, что повѣствованія Моисея слѣдуетъ понимать буквально, такъ, какъ они написаны, а не такъ, какъ вздумается ихъ истолковывать“ (стр. 50). То же на стр. 248: „объ разрѣшеніи на животную жертву въ Библии ничего не говорится. Слѣдовательно его и не было. И Авель, значить, безкровную жертву принесъ“. На стр. 124—совершенно противоположное сужденіе: „правда, въ Библии ничего объ этомъ не сказано, но это ничего не доказываетъ“. Другой выводъ изъ молчанія Библии, въ данномъ случаѣ, избавилъ бы автора отъ совершенно излишнихъ и безосновательныхъ разсужденій о томъ, какъ Адамъ и Ева разрѣшали вопросъ: „продолжать или нѣтъ человѣческій родъ“. Лучше было бы совсѣмъ умолчать и о томъ, какъ разсуждалъ Каинъ о правѣ родителей на произведеніе его на свѣтъ (стр. 206—207): библейскій текстъ не даетъ къ этому никакого повода.

Г. Введенскій видитъ „явную безсмыслицу“ въ принятомъ переводѣ выраженія 4 ст.: *Авель такъ же принесъ отъ первородныхъ стада своего и отъ тука ихъ*. „Вѣдь тукъ то заключается въ первородныхъ. Послѣднее слово предполагается первымъ“—разсуждаетъ онъ; для избѣжанія мнимой безсмыслицы онъ предлагаетъ измѣнить вокализацию и читать вм. תֵּלֶלֶת, тукъ—תֵּלֶלֶת, молоко (стр. 249—250). Первоначально упуская изъ виду возможность вполне удовлетворительнаго объясненія смущающаго его выраженія чрезъ допущеніе въ данномъ случаѣ *Waw explicativi*, авторъ въ концѣ концовъ вынужденъ прибѣгнуть именно къ этому объясненію, которое предлагается и изслѣдователями, оставляющими вокализацию слова תֵּלֶלֶת неприкосновенною (см. *Ges. Gr.* 26, S. 478, Anm. 1, b; Keil, BK. üb. die Bb. Mose' s. I B. Lpz. 1861. S. 65; НК. herausg. v. Nowack. Genesis übers. u. erkl. von H. Gunkel. Göttingen. 1909. S. 42). У него читаемъ: „первую половину 4 стиха мы понимаемъ и переводимъ слѣдующимъ образомъ: Авель тоже принесъ отъ первородныхъ стада своего, именно отъ ихъ молока“; въ скобкахъ даже добавлено: „или отъ тука—это все равно“ (стр. 251—252). Зачѣмъ же тогда было возражать противъ существующаго перевода и прибѣгать

къ столь рѣшительному средству, какъ измѣненіе вокализаціи? На стр. 147 встрѣчаемъ странное заявленіе, что nota accusativi вообще излишня при дѣйствительномъ залогѣ, который самъ по себѣ требуетъ винительнаго падежа.—Доказывая, что ָּ (стр. 17) можетъ обозначать и простую палатку, авторъ ссылается на Ис. 1, 8, приводя слѣдующія слова этого стиха: „и остались дщери Сіона, какъ шатеръ въ виноградникѣ, какъ шалашъ въ огородѣ“ и добавляя: „въ данномъ мѣстѣ поставлено еврейское слово ָּ“ (стр. 498). Оно дѣйствительно употреблено въ этомъ стихѣ, но не въ соответствующихъ приведеннымъ выраженіяхъ, а въ опущенномъ концѣ стиха: „какъ осажденный городъ“.

Въ сочиненіи немало мелочныхъ промаховъ, которые трудно объяснить одною спѣшностью работы, и такихъ описокъ, которыя легко принять за ошибки. На стр. 15-й говорится объ *унгарскомъ* языкѣ. На стр. 182 читаемъ: „въ Полинезиі пища перуанцевъ“... въ качествѣ цитаты изъ одного переводнаго пособия; въ этомъ случаѣ, чужія слова, приведенныя въ искаженномъ видѣ, свидѣтельствуютъ о нетвердости познаній автора въ области географіи. Проф. Петербургской Духовной Академіи Н. П. Рождественскій, составитель извѣстнаго „Курса основнаго богословія“, названъ протоіереемъ (стр. 481). Допущена ошибка (или описка) въ заглавіи сочиненія Сведенборга Arcana (написано areana) Coelestia (стр. 86). На стр. 13 сблизается этимологія именъ „Адамъ“ и „Эдемъ“ (вмѣсто Едомъ). Къ грамматической терминологіи авторъ относится иногда съ совершеннымъ невниманіемъ: *отъ* у него—союзъ, а *еще разъ*—предлогъ (стр. 147, 160, 161).

Нельзя обойти молчаніемъ вообще изложенія рецензируемаго сочиненія. Начинающіе авторы обыкновенно грѣшатъ въ отношеніи языка тѣмъ, что обнаруживаютъ пристрастіе къ иностраннымъ словамъ, вычурнымъ выраженіямъ, искусственному построенію періодовъ и пр. Г. Введенскій впадаетъ въ противоположную крайность: стиль его отличается удивительною простотою—къ сожалѣнію, въ смыслѣ грубости и небрежности. У него почти на каждой страницѣ можно встрѣтить вульгарный оборотъ, несуществующую грамматическую форму, неправильное строеніе фразы (стр. 66, 70, 82, 107, 116, 130, 142, 218, 274, 359, 376, 387, 461 и др.).

Въ пользованіи пособиями авторъ обнаруживаетъ недо-

статочную разборчивость: чаще всего онъ цитуетъ уже устарѣвшіе комментаріи и изслѣдованія, не отличающіяся авторитетностью. На обширную новѣйшую экзегетическую литературу онъ не обращаетъ никакого вниманія, не пользуется онъ и лучшими справочными пособіями, необходимыми при экзегетическихъ работахъ. Въ этомъ можно упрекнуть автора тѣмъ съ большимъ основаніемъ, что онъ, по собственному его заявленію, работаетъ надъ избранною имъ темою со второго курса (стр. 505).

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ, сочиненіе обладаетъ крупными достоинствами. Авторъ собралъ обширный матеріалъ, въ достаточной мѣрѣ изучилъ и всесторонне освѣтилъ его. Онъ критически отвесилъ къ существующимъ толкованіямъ избранной главы, представляющей значительныя трудности для экзегета, и на всемъ протяженіи своего очень тернистаго пути старался быть независимымъ и самостоятельнымъ. Недостатки разсмотрѣннаго сочиненія легко устранимы; да они признаны и самимъ авторомъ (стр. 504—505), хотя, кажется, не въ достаточной мѣрѣ. Свои познанія въ еврейскомъ языкѣ онъ вазываетъ скудными (стр. 307); однако, необходимо признать, что среди студентовъ Академіи, въ этомъ отношеніи, г. Введенскій, безъ сомнѣнія, представляеть одно изъ рѣдкихъ и пріятныхъ исключеній.

Искомой степени авторъ вполне заслуживаетъ“.

4) Ординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *священника Веселоскаго Николая* на тему: „Творенія св. Іоанна Златоустаго, какъ литургико-археологическій источникъ“:

„Выяснивъ предварительно взглядъ св. отца на религіозно-обрядовую внѣшность, въ частности на храмъ съ совершающимся въ немъ богослуженіемъ, и указавъ кратко на причины преобладанія въ твореніяхъ Златоустаго данныхъ литургическихъ надъ церковно-археологическими, авторъ переходитъ къ извлеченію и болѣе или менѣе систематическому изложенію тѣхъ и другихъ. Пространныя рѣчи о внѣшнемъ видѣ и оріентаціи храма, его внутреннемъ устройствѣ, разнаго рода приспособленій и убранствѣ, начиная съ олтаря со всѣми почти его принадлежностями и кончая притворами и крещальнями, служатъ содержаніемъ первой части сочине-

нія о. Веселовскаго. Во второй онъ еще болѣе подробно говоритъ о времени совершенія службъ, составѣ утрени, полунощницѣ, часахъ, всенощномъ бдѣнн, крестныхъ ходахъ, молитвенныхъ жестахъ, порядкѣ литургіи и содержаніи ея отдѣльныхъ частей (способахъ на ней псалмопѣнія); совершеніи таинствъ: крещенія, мѣропомазанія, покаянія, хиротоніи, брака и елеосвященія, погребеніи и поминавеніи усопшихъ, праздникахъ и постахъ. Уже изъ этого голаго перечня предметовъ, трактуемыхъ въ сочиненіи по твореніямъ Златоуста, легко видѣть, какъ не разъ естественная послѣдовательность въ изложеніи автора прерывается, и онъ отклоняется въ сторону вслѣдствіе недостаточно продуманнаго плана работы. Рѣчи, напримѣръ, о временахъ богослуженія, воздѣянн рукъ, исполненіи псалмовъ и т. п. лучше было выдѣлить въ особую рубрику или главу. Существенно важнѣе этого формальнаго недостатка матеріальные недочеты въ сочиненіи. О. Веселовскій пользовался твореніями Златоустаго въ новомъ переводѣ С. Петербургской духовной академіи и ни разу, сколько мы замѣтили, не обратился къ оригиналу, а между тѣмъ, какъ было бы полезно для дѣла ему справиться съ послѣднимъ въ сравнительно немногочисленныхъ *нароচিতыхъ* мѣстахъ, относящихся прямо къ его темѣ. Сужденія его о многихъ предметахъ, какъ-то: о литургической терминологіи у св. отца, устройствѣ олтарной завѣсы, объ одеждахъ и утваряхъ церковныхъ и т. д. выиграли бы отъ этого въ правильности, ясности и устойчивости. Можно быть увѣреннымъ, что при непосредственномъ знакомствѣ съ подлинникомъ, о. Веселовскій не нашелъ бы возможнымъ относить одно и то же свидѣтельство св. отца къ разнымъ моментамъ литургіи (стр. 268—269 см. 297), не допустилъ бы невѣрныхъ предположеній (стрр. 114, 149), маловѣроятныхъ и даже совсѣмъ несправедливыхъ утверженій (стр. 344), натянутости въ аргументаціи (стрр. 153, 161). Ни мало не сомнѣваемся, что и самъ авторъ при изготовленіи сочиненія отлично сознавалъ выгоду обращенія къ подлинному тексту произведеній Златоустаго, и если онъ этого не сдѣлалъ, то только потому, что его и безъ того подавляла масса кропотливой и утомительной работы. Прочитать, хотя бы и въ русскомъ переводѣ, творенія даннаго св. отца—трудъ большой, а приходилось еще ихъ штудировать, по крупницамъ извле-

каты изъ нихъ относящійся къ изучаемому вопросу матеріалъ, сопоставлять эти крупныя между собой, создавать изъ нихъ нѣчто цѣльное. Авторъ удовлетворительно выполнилъ не одну эту задачу. Онъ довольно близко познакомился еще съ нѣкоторыми русскими пособиями по исторіи древне-христіанскаго храма и богослуженія и результатомъ этого знакомства явились у него тѣ краткіе, темой не вызывавшіеся историческіе очерки, которые предшествуютъ въ сочиненіи рѣчамъ о храмѣ и тѣхъ или другихъ службахъ собственно по твореніямъ Златоустаго. Изложено сочиненіе тщательно и въ общемъ литературно. Для присужденія автору степени кандидата богословія нахожу трудъ о. Веселовскаго вполне достаточнымъ“.

5) Ординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Вѣщезерскаго Ардаліона* на тему: „Третій вселенскій соборъ“:

„Отличительной чертой сочиненія А. Вѣщезерскаго является его *самостоятельность*. Это качество тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе и тѣмъ болѣе должно быть поставлено въ заслугу автору, что въ предложенныхъ ему ученыхъ изслѣдованіяхъ, какъ напр. Hefele, Consiliengeschichte или А. Тьері: „Несторій и Евтихій, ересіархи V-го вѣка“, взятая имъ для изслѣдованія тема исчерпывалась не только въ общихъ чертахъ, но и во всѣхъ ея конкретныхъ историческихъ подробностяхъ. Воспользовавшись въ полнотѣ всѣми пригодными для него научными диссертаціями и пособиями, въ своихъ сужденіяхъ и изложеніи историческихъ фактовъ онъ повсюду основывается на непосредственномъ изученіи источниковъ и отсюда почерпаетъ полную возможность создавать новыя комбинаціи, располагать факты въ новой связи и дать въ отдѣльныхъ случаяхъ свою историческую и догматическую оцѣнку изучаемымъ явленіямъ. Какъ бы иногда мелки и детальны ни были вносимыя авторомъ поправки и дополненія въ существующую по исторіи 3-го вселенскаго собора литературу, они цѣнны въ двоякомъ отношеніи: они, во-первыхъ, обнаруживаютъ въ авторѣ тонкую историческую наблюдательность; во-вторыхъ, вносятъ свѣтъ въ частныя пункты вопроса, не лишены историческаго значенія и въ то же время часто ускользающіе изъ вниманія изслѣ-

дователей. Одной из трудностей, стоявшей на пути къ надлежащему осуществленію его задачи, являлась хронологическая неупорядоченность фактовъ, входящихъ въ исторію 3-го вселенскаго собора, вытекающая изъ противорѣчивыхъ указаній самыхъ источниковъ. Авторъ и здѣсь оказался на высотѣ призванія: въ двухъ-трехъ мѣстахъ, гдѣ онъ излагаетъ свои опыты установки хронологическихъ датъ, онъ встаетъ на самый лучший путь и приходитъ къ наиболѣе удовлетворительнымъ результатамъ. Конечно, предъявляя строгія научныя требованія къ сочиненію Вѣщезерскаго съ точки зрѣнія современнаго состоянія въ наукѣ изучаемаго имъ вопроса, можно указать въ немъ два-три существенныхъ недочета, но эти недочеты объясняются незнакомствомъ его съ новооткрытыми документами касательно исторіи 3-го всел. собора, которые и по существу дѣла должны были остаться неизвѣстными ему безъ посторонней помощи. Языкъ автора отчетливъ и литературенъ, и содержаніе сочиненія расположено логически и систематично“.

6) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Занкевича Аркабія* на тему: „Современность въ проповѣдяхъ второй половины XIX вѣка“:

„Христіанство всегда одной стороной своей обращено къ землѣ, поскольку оно раскрывается на землѣ, среди обычныхъ условій земного существованія человѣка. Освѣщая жизнь человѣка на пути отъ земли къ небу, оно непремѣнно и неизбѣжно должно захватывать всю жизнь человѣка до самыхъ послѣднихъ ея мелочей. Отсюда и проповѣдь, нормирующая жизнь человѣческую и передающая содержаніе христіанства въ приложеніи къ жизни, не можетъ не быть не-современной. Особенно это нужно сказать о нашей проповѣди второй половины XIX вѣка, когда жизнь была полна такими новаторскими начинаніями во всѣхъ рѣшительно областяхъ своихъ, когда сознаніе нашихъ предковъ, было заполнено бурнымъ потокомъ разнообразныхъ идей, нахлынувшихъ къ намъ съ Запада, которому Россія рѣшила во всемъ съ той поры подражать. Повысилась въ то время и церковная жизнь. „Распространеніе въ средѣ христіанскихъ народовъ новыхъ ученій, отъ которыхъ происходятъ опасности для благосостоянія народовъ и для спо-

койствія ихъ правительствъ, вызываетъ къ усиленной дѣятельности христіанскую или церковную проповѣдь“ (3 стр.).

Если бы авторъ сталъ изучать всю „современность“ по проповѣдямъ нашихъ проповѣдниковъ за разсматриваемый періодъ, то его сочиненіе разрослось бы въ нѣсколько томовъ и все же онъ еще не успѣлъ бы исчерпать всего обширнаго матеріала по данному вопросу. Въ виду этого авторъ сѣзнулъ свою тему, рѣшивши писать только о „положеніи женщины“ вообще, по проповѣдямъ разсматриваемаго времени. Взятая тема и въ этомъ объемѣ дала немало автору матеріала и немало доставила хлопотъ. Достаточно вспомнить, какая масса проповѣдниковъ была у насъ даже въ одни только 60-е годы, столь обильные проповѣдничествомъ, чтобы судить о матеріалѣ, собранномъ нашимъ авторомъ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ почти проповѣдникъ этого времени не упустилъ случая, чтобы освѣтить съ христіанской точки зрѣнія, въ годы господства теорій такъ называемой женской „эмансипаціи“, тѣхъ или другихъ вопросовъ, связанныхъ съ вопросомъ о положеніи женщины во вселенной. Писать о женщинѣ въ данномъ случаѣ все равно, что писать цѣлую исторію существованія женщины съ тысячами сложныхъ и мелкихъ вопросовъ въ области этого изслѣдованія. И нужно отдать справедливость автору, что по всѣмъ вопросамъ о женщинѣ онъ весьма умѣло выбралъ матеріалъ изъ имѣвшихся у него подъ руками проповѣдей и мозаически искусно расположилъ этотъ матеріалъ по соответствующимъ стройнымъ рубрикамъ и параграфамъ. На основаніи собраннаго авторомъ матеріала предъ глазами читателя встаетъ довольно цѣлостная картина церковнаго, а не гуманистическаго, чисто человѣческаго ученія о женщинѣ. Имъ не забыть въ данномъ случаѣ даже такой мало-извѣстной у насъ на сѣверѣ, но необыкновенно талантливый проповѣдникъ, какъ Гавріиль, епископъ Кутаисскій.

Пріятно поражаетъ читателя въ сочиненіи г. Занкевича и изложеніе, отличающееся многими литературными достоинствами.

Два упрека можно поставить въ вину нашему автору. Во-первыхъ, неполноту, пропуски въ литературѣ. Но это такой упрекъ, отъ котораго никто и никогда не можетъ быть свободнымъ. Нужно принять во вниманіе также и то, что ни

одна библіотека, какъ бы она громадна ни была, не можетъ имѣть полнаго собранія проповѣдей всѣхъ проповѣдниковъ. Гдѣ же достать ихъ бѣдному студенту? Есть у автора болѣе опасный недостатокъ. Не понимаю, зачѣмъ авторъ на пространствѣ почти 150 страницъ излагаетъ исторію ученія о женщинѣ, начиная ее съ нашей первобытной лѣтописи. Какъ это входитъ въ его сочиненіе? Если авторъ хотѣлъ использовать и свѣтскихъ писателей, то онъ долженъ бы брать ихъ исключительно только изъ разсматриваемой имъ эпохи. Для чего же здѣсь такая сѣдая старина?

„За свой трудъ авторъ степени кандидата богословія заслуживаетъ полнѣ“.

7) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Концевича Николая* на тему: „Ученіе протестантскихъ богослововъ—модернистовъ о догматикѣ и догматѣ.“

„Сочиненіе г. Концевича, раздѣленное на множество главъ малаго объема, содержитъ четыре отдѣла. Въ первомъ, вводномъ, отдѣлѣ даны общія свѣдѣнія о теперешнемъ модернистическомъ богословіи у протестантовъ, о главныхъ представителяхъ его и ихъ сочиненіяхъ и объ отношеніи къ этому новому богословію протестантскихъ богослововъ—немодернистовъ. Во-второмъ, небольшомъ по объему, отдѣлѣ изложено ученіе модернистовъ Теодора Кафтава, Бема, Грюцмаера о догматѣ. Третій, составляющій почти всю вторую половину сочиненія, отдѣлъ раскрываетъ ученіе модернистовъ о свойствахъ и задачахъ модернистическаго богословія и объ отношеніяхъ его къ другимъ наукамъ—философіи, исторіи, естествознанію. По единодушному воззрѣнію всѣхъ модернистовъ модернистическое богословіе должно быть позитивнымъ. Это на ихъ языкѣ значитъ, что содержаніе древней вѣры, какъ ученія евангельскаго, должно остаться неприкосновеннымъ, и оно полностью должно войти и въ новое, модернистическое, богословіе. Новое богословіе должно быть модернистичнымъ только по формѣ, а именно, оно должно старую вѣру раскрыть и изложить такъ, чтобы она была удобоприемлема для людей настоящаго времени, чтобы оно соответствовало духу, потребностямъ, уровню и характеру знаній настоящей эпохи. Четвертый отдѣлъ,—критическій, содержитъ

въ себѣ изложеніе критики на модернистическое богословіе Бреславльскаго профессора Шмидта и пастора Дункмана и, въ концѣ, собственный взглядъ автора сочиненія на модернистическое богословіе. По мнѣнію г. Концевича требованія, предъявляемыя протестантскими модернистами къ богословію, могутъ быть одобрены и приняты и православными богословами, но всетаки, справедливо замѣчаетъ онъ, намъ пока слѣдуетъ отнестись къ этому богословію выжидательно, осторожно, потому что модернисты доселѣ представили только проектъ модернистическаго богословія, да и то въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, но не осуществили еще этого проекта на дѣлѣ, не написали модернистическаго богословія. Отъ разбора модернистической программы по пунктамъ г. Концевичъ уклонился, отчасти не безъ основанія, по праву, такъ-какъ изъ разногласія между самими модернистами по частнымъ пунктамъ, изъ критическихъ замѣчаній объ ихъ взглядахъ со стороны Шмидта и Дункмана, а еще изъ изложенія возрѣній на богословіе Юлія Кафтана сами собою обнаруживаются достоинства и недостатки ученія модернистовъ.

Свои пособія, книги и брошюры на нѣмецкомъ языкѣ, авторъ сочиненія изучилъ старательно и почерпнутый изъ нихъ матеріалъ изложилъ логично, отчетливо. Недостатокъ въ изложеніи, вездѣ литературномъ, только тотъ, что мѣстами нѣмецкія фразы, внесенныя въ текстъ, оставлены безъ перевода (стр. 22, 61, 74, 87, 94, 95, 112, 161, и др.). На 35-й страницѣ переводъ не точенъ.

Сочиненіе г. Концевича не обширно: 262 страницы текста и 20 страницъ приложенія, гдѣ помѣщены всѣ цитаты и примѣчанія. Но за то въ немъ нѣтъ ничего лишняго. Авторъ прилагалъ похвальную заботу быть по возможности краткимъ. Выдержки изъ сочиненій онъ приводитъ, но не часто, и притомъ краткія: два-три слова, двѣ-три строки. Отступленій въ стороны у него никакихъ; маловажныхъ подробностей тоже нѣтъ. Поэтому слѣдить за развитіемъ его мыслей очень легко. Этому способствуютъ „итоги“—сжатые обзоры изложеннаго въ томъ или другомъ отдѣлѣ.

Сочиненіе написано добросовѣстно и удачно, а потому авторъ его вполне достоинъ степени кандидата богословія“.

8) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента священника *Красновскаго Иполита* на тему: „Пресвященный Амвросій, архієпископъ Харьковскій, какъ проповѣдникъ:“

„Жизнь и дѣятельность такого выдающагося нашего архипастыря, какъ Амвросіи Харьковскій, въ значительной мѣрѣ уже весьма основательно изучена и обслѣдована многими лицами. Нашему автору оставалось только самымъ тщательнымъ образомъ суммировать все написанное о немъ. Но авторъ пошелъ своимъ особымъ путемъ. Онъ сталъ изучать проповѣдническую дѣятельность Харьковскаго вити безъ всякой помощи, не справляясь съ трудами своихъ предшественниковъ по этому вопросу. Конечно, я не считаю хоть сколько-нибудь серьезнымъ трудомъ ту бѣглую и ненаучную замѣтку о пресвященномъ Амвросіи, которая была помѣщена однимъ случайнымъ писателемъ въ бывшемъ журналѣ „Вѣра и Церковь“. Изучая самостоятельно проповѣдническіе труды пресвященнаго Амвросія, о. Иполитъ сгруппировалъ всѣ ихъ по многочисленнымъ рубрикамъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ рубрикъ: „догматика, мораль, наука, семейная жизнь, общественная жизнь, политическая жизнь, отношеніе церкви къ государству, свобода совѣсти, свобода печати, равноправіе мужчины и женщины, благотворительность, увеселенія и т. д.“... Всѣ эти крупныя однородныя мысли довольно тщательно выбраны имъ изъ всѣхъ поученій пресвящ. Амвросія и сгруппированы весьма часто съ большимъ мастерствомъ. Читая тотъ или другой отдѣлъ, иногда невольно думаешь, какъ хорошо было бы издать его отдѣльно, въ видѣ какъ бы своего рода „малаго“ катехизиса по тому или другому церковно-общественному вопросу. Несомнѣнно эти „катехизисы“ читались бы въ настоящее время, являющееся въ идейномъ отношеніи прямымъ продолженіемъ 60-тыхъ годовъ, многими съ большою пользою. Съ этой точки зрѣнія несомнѣнно и то, что годичный трудъ далъ нашему автору немало матеріала, столь необходимаго нынѣ каждому просвѣщенному служителю церкви Божіей, и мы горячо вѣримъ, что о. Иполитъ, подъ влияніемъ изученныхъ проповѣдей пресвящ. Амвросія, станетъ добрымъ пастыремъ церкви, имя котораго будетъ находить отзвукъ въ душахъ его паствы, а можетъ быть

станетъ извѣстнымъ даже и далеко за предѣлами его паствы.

Но этимъ задача далеко еще не исчерпывалась. Нашему автору нужно было бы серьезно изучить всю теперь уже очень сложную и очень солидную литературу объ Амвросіи Харьковскомъ. Ему нужно было бы порыться въ различныхъ книгохранилищахъ и тамъ поискать новыхъ данныхъ о дѣятельности архипастыря Харьковскаго, чтобы и отъ себя привнести хотя что-либо новое въ сокровищницу литературы о столь уважаемомъ и знаменитомъ архипастырѣ, какъ Амвросіи Харьковскій. И помимо этого въ сочиненіи автора встрѣчаются различные недочеты. Авторъ безсистемно излагаетъ біографію и характеристику Амвросія, недостаточно обстоятельно раскрываетъ, подъ какими вліяніями воспитался Амвросій въ проповѣдническомъ отношеніи, какое вліяніе оказалъ онъ на проповѣдниковъ послѣдующаго времени. Весьма нерѣдко встрѣчаются у автора и очень неудачная формулировка различныхъ положеній (53, 56, 79, 106, 124, 178, 280 стр. и др.), странныя суждевія (16, 60—61 стр.), повторенія (213 стр.), даже ошибки (56, 79, 97, 168, 169 стр. и др.). Неприятно поражаетъ читателя и отсутствіе дѣленія всего матеріала на главы, что въ обширномъ сочиненіи въ 432 стр. положительно необходимо.

Степени кандидата богословія за свой трудъ авторъ заслуживаетъ“.

9. Экстраординарнаго профессора Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Левитова Алексѣя* на тему: „Пессимизмъ въ поэзіи Байрона и Гейне“:

„Сочиненіе г. Левитова представляетъ собою характеристику пессимизма въ поэзіи Байрона и Гейне съ попыткою культурно-историческаго и психологическаго объясненія. Авторъ съ любовью изучалъ не только двухъ великихъ поэтовъ, послужившихъ непосредственнымъ предметомъ его работы, но и вообще художественную литературу: довольно широкое знакомство съ нею тамъ и здѣсь даетъ о себѣ знаніе на протяженіи всего сочиненія. Матеріалъ, данный ему этимъ изученіемъ, онъ хорошо передумалъ, а еще лучше почувствовалъ. Вслѣдствіе этого на всемъ сочиненіи лежитъ отпечатокъ собственной личности автора. Все это заставляетъ взгля-

нуть на сочиненіе г. Левитова, какъ на очень хорошую работу и предъявить къ ней серьезныя научныя требованія. Но этимъ требованіямъ, къ сожалѣнію, оно далеко не вполнѣ отвѣчаетъ.

Остановлюсь на главной части сочиненія, посвященной Байрону (280 стр. изъ 352). Авторъ не сумѣлъ поставить въ надлежащую внутреннюю связь характеристику байроновскаго пессимизма съ объясненіемъ его генезиса. Вслѣдствіе этого разсужденія г. Левитова о факторахъ пессимизма Байрона оказались мало содержательными, недоказательными и иногда прямо наивными, а характеристика, въ свою очередь, утратила почти всякій научный интересъ: авторъ излагаетъ довольно общеизвѣстныя вещи о томъ, какъ Байронъ смотрѣлъ на человѣка, на общество, на семью, на славу, на знаніе, и это изложеніе можетъ заинтересовать развѣ только совсѣмъ несвѣдущаго читателя. Отчасти здѣсь повинна принципиальная точка зрѣнія автора, который не признаетъ за культурно-историческими факторами существеннаго значенія въ объясненіи байроновскаго пессимизма и полагаетъ центръ тяжести такого объясненія въ индивидуальности поэта. Это мѣшало поставить характеристику въ культурно-историческую перспективу. Но тогда слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, глубже и тѣснѣе связать эту характеристику съ индивидуальностью Байрона. Къ сожалѣнію, мы не находимъ даже и этого. Достаточно сказать, что столь характерный для Байрона т. н. его титанизмъ, сообщающій одну изъ главныхъ особенностей и его пессимизму, затронуть авторомъ почти только вскользь.

Все это впрочемъ, въ виду сказаннаго раньше, не препятствуетъ признать сочиненіе г. Левитова очень хорошей студенческой работой, достаточной для степени кандидата“.

10) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Макова Василя* на тему: „Значеніе современной свѣтской литературы для пастыря-проповѣдника“:

„Въ нынѣшнемъ учебномъ году два студента писали на эту тему: г. Звѣревъ и г. Маковъ. Такое совпаденіе почти безпримѣрный фактъ въ лѣтописяхъ кандидатскихъ работъ и объясняется жгучестью современныхъ запросовъ, предъявляемыхъ обществомъ пастырямъ церкви, съ одной стороны, а съ другой, желаніемъ молодыхъ людей во что бы то ни

стало разобратъся въ этихъ мучительныхъ вопросахъ. Я не буду повторять въ отзывѣ о сочиненіи г. Макова того, что писалъ уже въ отзывѣ о сочиненіи г. Звѣрева. Сочиненіе г. Макова совершенно совпадаетъ въ области выводовъ съ сочиненіемъ г. Звѣрева, отличаясь отъ него лишь тѣмъ, что оно захватываетъ другую часть нашей современной литературы и построляетъ свои положенія, базируясь на другомъ матеріалѣ.

Сочиненіе г. Макова написано необыкновенно тщательно, вполне серьезно, съ внѣшней стороны литературно обработано и всюду вполне гармонируетъ съ христіанскимъ ученіемъ и церковнымъ преданіемъ.

Авторъ за свой трудъ (обширный—въ 553 стр.) степени кандидата богословія заслуживаетъ вполне. Въ виду новизны подобныхъ сочиненій въ нашей литературѣ софту автору свой трудъ напечатать. Думаю, что его съ большимъ интересомъ прочитаютъ наши пастыри. Несомнѣнно онъ будетъ нѣкотораго рода вкладомъ въ нашу бѣдную богословскую литературу, въ особенности бѣдную широко—жизненно—практическими сочиненіями“.

11) Экстраординарнаго профессора Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Нечаева Николая* на тему: „Символизмъ и мистицизмъ въ творествѣ Мориса Метерлинка“:

„Г. Нечаевъ старается въ своемъ сочиненіи прослѣдить эволюцію философскаго міровоззрѣнія и художественнаго творчества Метерлинка. Я выпишу довольно длинную тираду изъ заключенія сочиненія, чтобы дать понятіе одновременно—о взглядѣ самого автора на свою работу и о ея претенціозномъ стилѣ. „Несомнѣнно, обликъ этотъ (Метерлинка) слишкомъ неясенъ, слишкомъ расплывчатъ въ нашемъ схематическомъ рисункѣ. Несомнѣнно, онъ очень блѣденъ, тоны его слишкомъ сѣры, фонъ сильно затѣненъ, чтобы Метерлинка отсюда глядѣлъ на насъ, какъ живой, съ своимъ спокойно-кроткимъ, нѣжно-строгимъ лицомъ и темно-синими глубокими глазами. Быть можетъ, это только плохая поблекшая копія негатива. Быть можетъ не все здѣсь схвачено точно, рельефно, живо, не во всѣхъ деталяхъ, не въ той перспективѣ, безъ красокъ, безъ ретушевки. Пожалуй даже нѣтъ здѣсь экспрессіи, не отмѣчены тѣ ароматы, тѣ улыбки, какими дышетъ творчество бельгійскаго поэта,

забыты многіе его нѣжныя взоры и поцѣлуи мысли. Но безспорно—основной тонъ его мысли и рѣчи—символизмъ нами зарегистрированъ“ (224—225). Приведенный образецъ стиля не принадлежитъ къ числу худшихъ въ сочиненіи. Что же касается существа дѣла, то можно признать, что символизмъ Метерлинка здѣсь, какъ выражается авторъ, „зарегистрированъ“, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ уже раньше „зарегистрированъ“ въ литературѣ о Метерлинкѣ. Г. Нечаевъ даетъ довольно общій очеркъ двухъ періодовъ литературной дѣятельности Метерлинка, не прибавляя къ ихъ характеристикѣ ничего оригинальнаго. Впрочемъ сочиненіе свидѣтельствуешь объ изученіи и пониманіи предмета и для степени кандидата достаточно“.

12) И. д. доцента священника Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Новицкаго Макарія* на тему: „Военное искусство у древнихъ евреевъ по даннымъ Библии и Иосифа Флавія“:

„Для ознакомленія съ обширною (до 400 стр.) работою г. Новицкаго достаточно уже одного перечня ея отдѣльныхъ главъ и параграфовъ. Послѣ небольшого введенія, знакомящаго съ методомъ изслѣдованія древне-еврейскихъ войнъ и археологической точки зрѣнія, авторъ описываетъ характеръ еврейскихъ войнъ, далѣе останавливается на вопросѣ объ отношеніи Моисеева законодательства къ военному дѣлу, переходитъ къ схематическому построенію веденія войнъ евреями, наконецъ излагаетъ исторію военнаго искусства у евреевъ. Въ заключительныхъ отдѣлахъ сочиненія г. Новицкій описываетъ еврейское вооруженіе, какъ наступательное, такъ и оборонительное. Не смотря на сильную опасность трактовать предметъ изслѣдованія узко-исторически, авторъ остался въ положеніи библиенста-археолога, а потому его сочиненіе даетъ хорошій справочникъ для всѣхъ интересующихся ветхозавѣтною Библиею, которой образная рѣчь изобилуетъ выраженіями, взятыми изъ области военнаго дѣла, не говоря уже о необходимости лучшаго пониманія этизирующаго вліянія древне-еврейскихъ войнъ на Богоизбранный народъ. Недостатками сочиненія является: 1) уклоненіе автора отъ начертанія еврейскихъ словъ по-еврейски, безъ транскрипціи, всегда условной; 2) неправильная передача заголовковъ иностран-

ныхъ пособій (французскихъ), когда по мѣстамъ элементы заглавія принимаются за фамилію автора.

Степени кандидата г. Новицкіи заслуживаетъ“.

13) П. д. доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *іеромонаха Панарета (Наумова)* на тему: „Литературная дѣятельность Іоанна экзарха Болгарскаго“:

„Іоаннъ экзархъ Болгарскій былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей славянской литературы Симеонова вѣка въ Болгаріи. Его литературные труды, съ легкой руки Калайдовича, съ разныхъ сторонъ своихъ уже нѣсколько разъ привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Однакожъ, ни точные размѣры его литературной дѣятельности, ни отношеніе его переводовъ къ оригиналамъ, ни подлинныя свойства его языка до сихъ поръ въ наукѣ не выяснены вполне и окончательно. Хотя сочиненіе о. Панарета (XII—498 стр. + а—ѣ лл.) представляетъ собою лишь студенческую работу, при томъ выполненную въ теченіе менѣе, чѣмъ одного учебнаго года, тѣмъ не менѣе, по своему содержанію и по своимъ свойствамъ, оно съ полнымъ правомъ можетъ претендовать на значительное заполненіе этого пробѣла въ научной литературѣ. Начиная свое сочиненіе съ общей характеристики просвѣщенія въ Болгаріи въ вѣкъ ц. Симеона, авторъ, съ соблюденіемъ необходимыхъ критическихъ приѣмовъ въ отношеніи къ своимъ источникамъ и пособіямъ, всесторонне обрисовываетъ внѣшнія историческія условія, содѣйствовавшія развитію литературы въ рассматриваемый періодъ, характеризуетъ Симеона и опредѣляетъ долю его личнаго почина въ этомъ развитіи, описываетъ направленія и литературныя школы, характеризуетъ современныхъ писателей и ихъ труды (ч. I-я). Въ результатъ получается довольно полная картина золотого вѣка славянской литературы. Если можно здѣсь сдѣлать автору упрекъ за слишкомъ детальное изложеніе достаточно извѣстныхъ подробностей характеризуемой эпохи, то лишь съ непремѣнной оговоркой, что отъ этихъ подробностей изображаемая картина ничего не теряетъ въ исторической вѣрности и живости, становясь отчетливой исторической перспективой, въ которой выступаетъ въ дальнѣйшихъ частяхъ сочиненія литературная дѣятельность Іоанна экзарха во всемъ ея объемѣ. Послѣ изложенія немногочис-

ленныхъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ, біографическихъ свѣдѣній относительно Іоанна экзарха, авторъ послѣдовательно рассматриваетъ литературную дѣятельность его, какъ переводчика (ч. II-я), какъ компилятора (ч. III-я) и какъ составителя проповѣдей (ч. IV-я). Говоря о переводахъ Іоанна экзарха, онъ приписываетъ ему переводъ Богословія, но, на основаніи тщательнаго филологическаго анализа славянскаго текста Діалектики, вслѣдъ за Горскимъ и Невоструевымъ, не признаетъ ея перевода дѣломъ Іоанна экзарха. Что касается до грамматической статьи объ восьми частяхъ слова, переводъ которой нѣкоторыми также приписывается Іоанну, то, за отсутствіемъ неоспоримыхъ данныхъ, вопросъ о личности переводчика ея остается въ сочиненіи открытымъ. Обстоятельная характеристика перевода Богословія со стороны фонетики, морфологіи и лексическаго матеріала древнѣйшаго списка сопровождается умѣло составленной таблицей славянской терминологіи, служащей въ Богословіи для выраженія преимущественно богословскихъ понятій, при чемъ для каждаго термина указывается греческій оригиналь и соответствующая славянская параллель изъ Шестоднева. Съ такою же тщательностью разобранъ дальше Шестодневъ какъ со стороны языка, такъ и со стороны содержанія. Анализъ проповѣдей, приписываемыхъ разными изслѣдователями, на основаніи надписаній, Іоанну экзарху, приводитъ изслѣдователя къ заключенію, что ему несомнѣнно принадлежатъ четыре уже изданныхъ слова—на Вознесеніе Господне, Богоявленіе, на Рождество и Преображеніе Господне—и два еще неизданныхъ—на Рождество Христово и на Пасху. Наконецъ, проповѣдническіе приемы Іоанна экзарха характеризуются общими чертами, противоположными тѣмъ, какими характеризуется проповѣдничество Климента Охридскаго.

Такимъ образомъ, въ сочиненіи о Панафета съ образцовой полнотой поставлены и обстоятельно разобраны почти всѣ основные вопросы, касающіеся литературной дѣятельности Іоанна экзарха. Для законченной дѣльности труда, въ его наличныхъ рамкахъ, недостаетъ развѣ только желательнаго анализа языка проповѣдей и опредѣленія цитатъ изъ Св. Писанія въ нихъ. Методологическіе приемы автора стоятъ на уровнѣ современныхъ научныхъ требованій. Не ограничиваясь критическимъ разборомъ и старательнымъ ис-

пользованиѣмъ существующей литературы, относящейся къ предмету труда, авторъ постоянно имѣеть дѣло съ первоисточниками и обращается съ ними въ высшей степени умѣло и добросовѣстно. Сочиненія, принадлежащія или приписываемыя Іоанну экзарху, онъ изслѣдуетъ по всѣмъ правиламъ филологическаго метода, попутно обнаруживая свою весьма значительную освѣдомленность въ области палеографіи, грамматики ц.-славянскаго языка и его лексикологіи. Въ особенную заслугу автору нужно поставить сгруппированіе лексическаго матеріала въ особую таблицу и обстоятельный разборъ двухъ новыхъ словъ, приписываемыхъ Іоанну экзарху. Сличеніе этихъ словъ съ произведеніями, несомнѣнно ему принадлежащими, приводитъ къ результатамъ достаточно убѣдительнымъ: послѣ работы о. Панарета принадлежность ихъ Іоанну экзарху можно считать вполне доказанною. Остается пожелать поскорѣе увидѣть ихъ изданными, но—послѣ тщательнаго устраненія погрѣшностей, вкравшихся въ приготовленный о. Панаретомъ текстъ (напр. безвѣстнѣй вм. безъ вѣсти ѣ, л. 3; изъ сѣ вм. изъ сѣ, 2 об. 4 об. и др.; изъ сѣмѣти вм. изъ сѣмѣти, 6; въ патрѣ вм. въ патрѣ, 8; мѣсто гѣко плачетъ вм. мѣсто горько плачетъ, 13; тои изъ мѣ есть вм. то изъ мѣ есть, 16 и др.). Подобныя же погрѣшности должны быть устранены и изъ текстовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ частяхъ сочиненія и переписанныхъ, къ сожалѣнію, на пишущей машинѣ. Въ цѣломъ сочиненіи о. Панарета отличается несомнѣнной научностью, критическимъ отношеніемъ къ источникамъ и предшественникамъ по работѣ, основательностью сужденій, ясностью и строгой послѣдовательностью изложенія. Оно свидѣтельствуетъ о талантливости автора и объ его способности къ серьезному историческому и спеціальнѣе—филологическому труду. За сухими филологическими построеніями, какъ и за страницами историческаго повѣствованія, пристальный взглядъ читателя не можетъ не прочесть скрытой горячей любви къ болгарскому народу и его прошлому, но это воодушевленіе нигдѣ не переходитъ въ часто наблюдаемое въ такихъ случаяхъ пристрастіе къ громкимъ фразамъ. Стилль, за нѣкоторыми исключеніями, изобличающими въ авторѣ болгарина, въ общемъ правильный, точный и сжатый.

Качества сочиненія даютъ основанія ожидать и желать продолженія и усовершенствованія труда о. Панарета. Поэтому, въ интересахъ автора, нелишне выразить слѣдующія частныя пожеланія. 1) Хорошо было бы, если бы авторъ у себя на родинѣ, въ Болгаріи, привелъ въ извѣстность всѣ сохранившіеся тамъ въ различныхъ рукописныхъ собраніяхъ южно-славянскіе списки трудовъ Іоанна экзарха. 2) Желательно, чтобы онъ продолжилъ свои поиски неизданныхъ поученій Іоанна экзарха въ южно-славянскихъ и русскихъ сборникахъ. У рецензента есть основанія думать, что эти поиски могутъ быть весьма плодотворными, т. к. нѣкоторыя поученія Іоанна экзарха надписываются именемъ Іоанна Златоустаго. Въ данномъ случаѣ автору можетъ быть полезнымъ тотъ же методъ сличенія поученій, напоминающихъ слова Іоанна экзарха, съ подлинными его произведеніями, которымъ съ несомнѣнностью установлена въ сочиненіи принадлежность этому автору двухъ новыхъ словъ. 3) Лексическая таблица должна быть расширена и сличена съ терминологіей древнѣйшаго перевода Св. Писанія и нѣкоторыхъ памятниковъ Симеонова вѣка. 4) Изданія Бодянского и Попова заключаютъ въ себѣ значительное количество опечатокъ, которыя уже не разъ приводили изслѣдователей къ погрѣшностямъ въ характеристикѣ языка Іоанна экзарха. Желательно было бы видѣть отмѣченными эти опечатки.

Всѣ эти пожеланія предъявляются къ будущему труду, который въ короткое время и при сравнительно небольшой затратѣ научной энергіи можетъ вырасти изъ наличнаго.

Высокія достоинства рецензируемаго сочиненія о. Панарета не только даютъ ему полное право на полученіе степени кандидата богословія, но и нравственно обязываютъ рецензента обратить на нихъ особенное вниманіе Совѣта Академіи. Не найдеть ли возможнымъ Совѣтъ Академіи до свѣдѣнія высшаго управленія Болгарской церкви о выдающихся способностяхъ о. Панарета къ научному труду для соотвѣтствующаго исползованія этихъ способностей въ интересахъ Болгарской церкви и для созданія для него благопріятныхъ внѣшнихъ условій, которыми обезпечивалась бы ему возможность продолженія научныхъ занятій славистической?"

14) Заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Попова Павла* на тему: „Бесѣда Господа Иисуса Христа съ Самарянкою (Іоан. 4, 1—42)“:

„Сочиненіе представляетъ послѣдовательно - постижный и подробный комментарий къ Іоан. 4, 1 — 42, составленный на основаніи изученія трудовъ древне-отеческаго періода, преимущественно Оригена, Златоуста, Кирилла Александрітскаго и Августина, дополненаго обильнымъ научнымъ матеріаломъ изъ многихъ новѣйшихъ иностранныхъ работъ, относящихся къ толкованію даннаго отдѣла. Трудъ автора конечно не стоитъ на полной высотѣ научнаго уровня современной, весьма сложной и громоздкой, экзегетической науки. Но использование въ немъ съ достаточною полнотою и умѣло, въ духѣ православія, наилучшихъ пособій древне-отеческихъ и новѣйшихъ иностранныхъ обще-экзегетическаго характера, обстоятельное изъясненіе нѣкоторыхъ стиховъ и, въ особенности, прекрасно продуманный и стройно изложенный нравственно - психологическій экскурсъ къ 38-му стиху,—даютъ автору полное право на степень кандидата богословія и заслуживаютъ одобреніе его работъ“.

15) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Протопопова Николая* на тему: „Законодательная и руководственно-административная дѣятельность Святѣйшаго Синода въ царствованіе императора Александра Третьяго“:

„Сочиненіе г. Протопопова состоитъ изъ небольшого предисловія, устанавливающаго точку зрѣнія на предметъ изслѣдованія, и трехъ довольно обширныхъ главъ, изъ которыхъ первая имѣетъ характеръ „историческаго введенія“ къ двумъ остальнымъ, специально посвященнымъ изложенію личныхъ взглядовъ императора Александра III и его сотрудниковъ на отношеніе государства къ церкви и обзору главнѣйшихъ законодательныхъ и руководственно-административныхъ мѣропріятій Св. Синода въ названное царствованіе. Послѣдняя глава, къ сожалѣнію, представлена въ незаконченномъ видѣ, и читатель ничего не найдетъ въ ней о такихъ, указанныхъ въ заглавіи матеріяхъ, какъ церковно-приходскія школы и школы грамоты, духовная цензура, епархіальное управленіе, мѣры къ обезпеченію духовенства.

Необходимыя данныя касательно всего этого, повидимому, собраны авторомъ въ достаточной широтѣ и полнотѣ, но результаты изученія ихъ не успѣли получить формальной законченности.

Въ объясненіе указаннаго дефекта своего произведенія г. Протопоповъ ссылается на сложность и срочность работы, требовавшей, къ тому же, самостоятельнаго ознакомленія съ нѣкоторыми отраслями юриспруденціи и въ частности—съ трудами по государственному праву. Нисколько не оспаривая вѣскости этого самооправданія, не можемъ, однако, не замѣтить съ своей стороны, что для разработки главной части изслѣдованія могло бы остаться гораздо больше времени если бы авторъ менѣе увлекся „историческимъ введеніемъ“, которому едва-ли была надобность придавать характеръ послѣдовательно-хронологическаго, по царствованіямъ, обзора отношеній государственной власти къ церкви за весь XVIII вѣкъ и первыя три четверти XIX-го. За то помимо сказаннаго сочиненіе г. Протопопова почти не даетъ повода къ вѣскимъ критическимъ замѣчаніямъ. Авторъ съ успѣхомъ выполнилъ часть должнаго и большое количество сверхдолжнаго труда, обнаруживъ всюду похвальную привычку держаться на почвѣ первоисточниковъ и обслѣдовать каждый вопросъ документально. Изложеніе мыслей въ сочиненіи литературно-правильное, точное и чуждое многословія. Степени кандидата авторъ вполне заслуживаетъ“.

16) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Смирнова Дмитрія* на тему: „Высокопреосвященный Филаретъ (Амфитеатровъ), митрополитъ Кіевскій и Галицкій, какъ проповѣдникъ“:

„На 434 страницахъ своего сочиненія авторъ дѣлаетъ попытку характеризовать дѣятельность митрополита Филарета (Амфитеатрова), какъ проповѣдника. Трудъ автора отличается немалыми достоинствами. Едва ли нужно что-нибудь говорить о томъ, какъ благовремененъ этотъ трудъ въ наше время, столь бѣдное проповѣдью и столь обильное всевозможными уклоненіями отъ проповѣдническаго церковнаго идеала. Авторъ использовалъ свое время съ значительнымъ успѣхомъ. Предъ нами проходитъ этотъ великій святитель съ вѣчно незабвенными многими сторонами его жизни и

дѣятельности, какъ живой. Авторъ работалъ въ области уже въ значительной мѣрѣ разработанной и обследованной, работалъ по многимъ печатнымъ источникамъ, число которыхъ особенно возрасло со дня недавно праздновавшагося 50-ія со дня смерти митрополита Филарета. Но въ немалую похвалу должно быть поставлено автору уже и то обстоятельство, что онъ сумѣлъ собрать и тщательно изучить почти необозримую теперь литературу о митрополитѣ Филаретѣ, разбѣянную по многочисленнымъ мелкимъ и крупнымъ духовнымъ изданіямъ и въ свѣтской прессѣ. Для этой цѣли ему приходилось даже обращаться въ бібліотеки нашихъ первоклассныхъ книгохранилищъ. Сочиненіе автора поражаетъ читателя обиліемъ литературы и тщательностью цитациі. Внимательное отношеніе къ дѣлу даетъ возможность автору дѣлать существенныя поправки различныхъ сужденій о митрополитѣ Филаретѣ. Такъ онъ дѣлаетъ поправки хронологическія (11—12 стр.), поправляетъ неосновательныя сужденія о митрополитѣ Филаретѣ (15—16 стр.), поправляетъ даже такого известнаго историка Московской Академіи, какъ С. К. Смирновъ, въ вопросѣ о докторской диссертациі митрополита Филарета (40 стр.), устанавливаетъ пропуски незначительныхъ мѣстъ проповѣдей митрополита Филарета въ различныхъ изданіяхъ. Неудовлетворенный уже изданными томами проповѣдей митрополита, онъ пытается отыскать еще неизданныя его проповѣди и использовать ихъ въ своемъ сочиненіи, и дѣлаетъ это не безъ успѣха (332—9 стр. и др.). Пользуется „Дневникомъ“ митрополита, привлекаетъ на службу къ себѣ еще мало использованный архивъ Московской Духовной Академіи. Нижній этажъ всего сочиненія испещренъ обильными цитатами, свидѣтельствующими о твердомъ намѣреніи автора каждое положеніе свое обосновать самымъ тщательнымъ образомъ.

Недостатки сочиненія. Самый главный недостатокъ сочиненія г. Смирнова заключается въ томъ, что онъ почти половину всего своего труда употребилъ на біографію митрополита Филарета. Отдавшись изученію жизни и дѣятельности митрополита Филарета, полной необыкновеннаго интереса и вѣчной новизны, онъ забываетъ о своей главнѣйшей задачѣ—изобразить митрополита, какъ проповѣдника. Авторъ до того увлекается жизнеописаніемъ Филарета, что останавливается на

многихъ мелочахъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ дѣлу. Такъ, напр., говоря о „непріятностяхъ“ во время реставраціи живописи въ Софійскомъ соборѣ, авторъ находитъ необходимымъ остановиться на нихъ „поподробнѣе“. Это съ одной стороны. Съ другой, многія біографическія свѣдѣнія проходятъ предъ нами дважды, какъ свидѣтели и показатели различныхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности одного и того же митрополита Филарета. Проповѣди г. Смирновъ излагаютъ по напередъ составленной схемѣ чисто субъективнаго характера, вслѣдствіе чего проповѣди митрополита теряютъ цѣлостность, оригинальность и самобытность, становятся блѣдными. Замѣтна путаница въ опредѣленіи и характеристикѣ внѣшней и внутренней стороны проповѣди (339 стр. и др.). По мѣстамъ неразборчивъ авторъ и въ источникахъ. Такъ нѣкоторыя схемы для характеристики личности Филарета онъ заимствуетъ изъ современной безтолковой материалистической литературы (146 стр.). Замѣчается путаница въ употребленіи терминологіи богословской (169, 167 стр.), научной (170, 172, 174, 197, 231, 339, 350, 387 стр. и др.). Странно приводитъ какъ то очень ужъ извѣстныя и ходовыя латинскія изреченія (200 стр.). Стиль по мѣстамъ нуждается въ весьма тщательной обработкѣ (145, 146, 167, 204, 216 стр. и др.).

За свой трудъ, свидѣтельствующій о внимательно-усердномъ отношеніи къ дѣлу, авторъ заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

17) И. д. доцента священника Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Снѣгирева Александра* на тему: „Исторія ветхозавѣтнаго святилища“:

„Если по отношенію къ католицизму справедливо положеніе, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, то относительно Библейско-археологической дисциплины столь же существенно положеніе, что всѣ дороги ведутъ въ Іерусалимъ. Внѣ изученія ветхозавѣтнаго культа всѣ экскурсы въ область Библейской древности малоплодны по ближайшимъ и дальнѣйшимъ результатамъ, а потому можно не колеблясь признать, что г. Снѣгиревъ занимался въ области, центральной по значенію во внутренней исторіи еврейскаго народа. Однако слабое знакомство съ иностранными языками не дало ему возможности черпать изъ солидныхъ иностранныхъ пособій

общія методологическія указанія, равно цѣнныя данныя фактическаго свойства, неумоимо собираемыя доселѣ раскопками въ Палестинѣ и детальнымъ (микрологическимъ) изысканіемъ въ талмудической и мирашической литературѣ. Авторъ описываетъ ветхозавѣтное святилище, останавливаясь на измѣненіяхъ въ его устройствѣ отъ Моисея до Ирода Великаго; если матеріалъ въ разсужденіи не всегда свѣжій, не знакомый отечественной экзегетикѣ, особенно при сопоставленіи съ работою Gall. Die alttestamentlichen Kultusstätten, то отступленія, какія замѣчаются у него отъ раннихъ опытовъ систематическаго изложенія археологическихъ матеріаловъ по вопросу о храмѣ,—показываютъ вѣкоторую самостоятельность автора, способность дѣлать изысканія по самой Библии, внѣ вторыхъ пособій, а потому онъ достоинъ кандидатской степени“.

18) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Соколова Владиміра* на тему: „Шестодневъ св. Василія Великаго“:

„Къ стыду нашему должно сознаться, что современные христіане, гордящіеся своими всевозможными культурными побѣдами, до сихъ поръ не могли создать второго шестоднева, до сихъ поръ не объяснили подробно, связно и обстоятельно дней творенія міра, и христіанскому писателю — юношѣ приходится обращаться и въ 20-мъ столѣтіи все къ тому же 4-му вѣку.

Читая сочиненіе г. Соколова, видишь, что онъ отнесся къ своей работѣ съ великою любовію, задумалъ ее необыкновенно широко, и въ теченіе года сработалъ прямо таки гигантскую массу труда. Достаточно хотя-бы указать на то, что онъ изучилъ въ теченіе года обстоятельно 78 источниковъ, изъ которыхъ 27 иностранныхъ, и при томъ не на одномъ языкѣ. Достаточно далѣе указать на то, что онъ, для выясненія положенія „Шестоднева“ св. Василія Великаго въ христіанской литературѣ, перевелъ шестодневъ св. Амвросія Медиоланскаго, сравнилъ съ нимъ „Шестодневъ“ св. Василія Великаго, тщательно отмѣтивъ всѣ близкія и отдаленныя по сходству мѣста въ двухъ изучаемыхъ имъ „Шестодневахъ“. Одна только эта часть его труда занимаетъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ 439 стр. убористаго